

Сергей Владимирович Герасимов

Искусство умирать

Авторский вариант

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=156431

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	5
ГЛАВА ПЕРВАЯ	5
1	5
2	10
3	12
4	26
5	36
6	40
7	45
8	53
9	60
ГЛАВА ВТОРАЯ	63
10	63
11	67
13	81
14	87
15	92
ГЛАВА ТРЕТЬЯ	97
16	97
17	102
18	106
19	112
20	120

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ	134
21	134
22	140
23	149
Конец ознакомительного фрагмента.	151

Сергей Герасимов

Искусство умирать

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА ПЕРВАЯ

КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ

1

Информация:

В двадцать первом веке по Земле прокатилось несколько устрашающих эпидемий.

Первой была эпидемия СПИДа, которая достигла своего пика к 2014му году. Уже давно замечено, что четырнадцатый год каждого века – год несчастий и ужасов. Но вирус СПИДа оказался всего лишь обыкновенным лентивирусом (lenthly virus), мутировавшим от довольно безобидного вируса, который поражал в свое время только мелких обезьянок и лошадей. Вакцина так и не была найдена, но эпидемия пошла на убыль сама собой и последняя смерть от СПИДа да-

тировалась 2034м годом.

Раговоры о медицинской загадке к тому времени уже прекратились. Гром не грянул.

Следующей была эпидемия саркомы. Эпидемия развивалась не так быстро и не так заметно, исподволь (как будто змея, ползущая под одеялом), но к середине века человечество вдруг обнаружило, что оно стоит на пороге возможного вымирания. К тому времени геноинженерия достигла умеренных успехов и уже предвкусывала успехи крупные. Довольно быстро был сконструирован ген ANTISARC, испытан на доверчивых красноглазых мышках, на визгливых обезьянах и сразу же на человеке – сроки поджимали. Первая версия гена оказалась недействительной, зато вторая сработала. С этого времени каждый новорожденный проходил иммунизацию и человечество забыло о злокачественных опухолях. Но у каждой медали есть и обратная сторона.

Первая версия гена ANTISARC, испытанная на нескольких сотнях добровольцев, оказалась способной с самовоспроизводству. Ген проникал в безобидные бактерии кишечной палочки, живущие в желудке каждого человека, перестраивал их и бактерии начинали вырабатывать слабый яд. Человек, зараженный новым вирусом, постепенно слабел и терял интерес к жизни. Смерть наступала обычно на третьем-пятом году заболевания, независимо от лечения. Эта

эпидемия распространилась просто мгновенно. Возникали общины, проповедующие массовые самоубийства. Возникали также общины, проповедующие новое искусство: отрешенность, хрупкость, тоскливую изысканность. Соответственно изменился идеал женской красоты.

Смерть стали изображать с венком в руке, вместо косы. Люди уходили в старые шахтные штольни, чтобы переждать гибель человечества (всего несколько лет осталось), а потом выйти и создать новую расу. Создатели новых рас начали размножаться удивительно бурно, прямо в шахтах, и на вопросы журналистов отвечали, что выполняют свой вселенский долг. Но в этот раз вакцина была найдена. Правда, некоторые секты так и остались жить в штольнях, ожидая новой беды. И беда пришла. А мода на самоубийства не исчезла.

Беда была не нова. Еще каннибалы Новой Зеландии знали эту болезнь. Был у них такой обычай: победитель съедал часть тела побежденного врага. Если побежденный был храбр, то съедали сердце, если прожорлив – то печень, если побежденный был плодовит, то съедали фаллос, а если побежденный был умен, то съедали мозг, а череп чистили речным песком, высушивали на солнце и ставили на почетное место в хижине – из уважения к уму. (Самые умные черепа передавали по наследству, а на некоторых писали поучения, острым гвоздиком). Заболевали только те, которые съедали мозг. Болезнь выражалась в припадках, судорогах и ярости.

Агония напоминала бешенство. В двадцатом веке болезнь была завезена в Европу, но, так как никто в Европе не ел мозг своих врагов, то до поры до времени в Европе было спокойно. Вирус слегка мутировал и стал поражать скот.

Болезнь называли «коровьим бешенством» и успокоились. Но медицина прогрессировала и создавала новые лекарства и вакцины. Для некоторых вакцин требовались частички мозга только что умершего человека. И вот только тогда коровье бешенство стало бешенством человеческим. Человек, получивший вакцину, испытывал те же припадки, что и древний каннибал. Вирус был выделен, опознан и тогда медики пришли в ужас – они имели дело с совершенно неведомой до сих пор формой жизни. Вирус не погибал при кипячении, не погибал в стерилизующих растворах, не погибал даже в кислоте. Он выдерживал нагрев до четырехсот восьмидесяти градусов. Он преспокойно сохранялся в расплавленном олове или свинце. Вместо углеродных цепочек вирус имел кремниевые.

Бороться с таким мощным врагом медицина не могла. Все заболевшие были отселены на несколько небольших островов – в современные лепрозории – и там умерли. Их останки были вплавлены в стальные блоки и погружены на дно океанов.

Такие останки были гораздо опаснее ядерных отходов. И, хотя расплавленная сталь гарантировала гибель вируса, а океанские глубины удваивали гарантию, эпидемия дала еще

один всплеск, на этот раз психический. Группы людей вдруг воображали, что они заражены, начинали метаться и убивать всех вокруг. Всплеск психической эпидемии пришелся на две тысячи сто четырнадцатый. Давно замечено, что четырнадцатые годы несчастливы.

Занятое своими проблемами, человечество редко смотрело в небо. А в небе все чаще появлялись летающие блюда. Первые сообщения о них появлялись еще в шестнадцатом веке. В конце двадцать первого блюдец развелось так много, что примерно каждый второй их видел. Многие встречали блюда неоднократно. Были сняты фильмы, были и попытки контактов, но все же официальная наука блюда не признавала. Военные ведомства занимались блюдами в свободное от основной работы время и несколько раз эти блюда сбивали. Все сбитые блюда были беспилотными.

Военные сбивали блюда не из страха и не из профессиональной гордости. Даже не из любопытства или удалства. Очень уж хотелось узнать, как они устроены и украсть некоторые технические секреты. Одно из блюдец неплохо сохранилось и военные порылись в технических устройствах, разбив при этом несколько стеклянных шариков. Как оказалось, в шариках был энергетический вирус. А когда спохватились, то было поздно. Уже давно было известно, что вещество и энергия – суть два проявления одного и того же, как будто лицевая сторона и изнанка. Если существуют вещественные

вирусы, то почему бы не существовать энергетическим?

Но энергетическая форма примитивной жизни как-то не прижилась на Земле и вызвала только легкую сезонную лихорадку одновременно на всех материках. От лихорадки скончалось только несколько детей и стариков. После этого вирус исчез.

А самую страшную беду люди все же проглядели.

2

В последствии этот вирус был назван вирусом Швассмана, по названию кометы Швассмана 1, где он был впервые обнаружен. К концу двадцать первого века небольшая комета Швассмана 1 практически разрушилась. Было решено послать экспедицию, чтобы изучить то, что еще оставалось. В то время такие экспедиции были делом обыкновенным и никаких сложностей не предвиделось. Аппарат с восемью исследователями на борту прилепился к рыхлым остаткам кометы и изучение началось. Предполагалось вернуться на Землю через четырнадцать дней.

На третий день среди экипажа вспыхнула драка и двое из восьми были убиты.

Их замороженные тела поместили в капсулы и отправили в звездное пространство.

Случай был беспрецедентен. На следующий день драка вспыхнула снова, человеческие голоса, слышимые по лучу

надпространственной связи, выкрикивали бессвязные слова и бессмысленные фразы. Компьютерный анализ показал, что все оставшиеся члены экипажа были больны. На их слова нельзя было полагаться. Но автоматика пока работала и передавала все параметры, включая четкую картинку.

К сожалению, большая часть информации о происшествии на Швассмана 1 была уничтожена по неясным, но очень веским причинам. Часть информации просочилась и стала легендой. Говорили, что люди с кометы Швассмана 1 уничтожили друг друга; осталось всего двое, запертых в разных отсеках корабля. Один из них отрезал себе язык и умер от потери крови, второй лег на пол и лежал, медленно разбухая.

Иногда он шевелился. Бесстрастная камера передавала картинку – человек все меньше был похож на человека. Он очень потолстел и увеличился в размерах.

Особенно удлиннились ноги. Человек стал похож на огромного и малоповоротливого кузнечика. Он стал вставать с пола и передвигаться прыжками. Он жевал все, что попадалось ему на пути, даже дерево и пластмассу. А когда он стал совсем страшен, камера выключилась. Точнее, переключилась и стала передавать компьютерные мультфильмы, которые сама же и сочиняла. Импровизации были остроумны, но все с оттенком нездоровья. Казалось что техника тоже заразилась.

Все остальное неизвестно. Материалы о комете Швассмана были вначале засекречены, затем уничтожены, затем ис-

чезли те люди, которые обеспечивали поддержку эксперимента с Земли. Остались только легенды.

3

Он любил женщин, особенно порочных женщин и злых, он любил ставить их на колени или смотреть на них со стороны; он любил кошек и держал в своем доме двух – одну серую, другую белую с черными задними лапками и черным дергающимся кончиком хвоста, будто приставленными к худому длинному телу. У второй кошки глаза были необычными – розового оттенка; это было признаком породы и стоило безумно дорого. Он любил вдыхать запах хороших духов и запах улицы после дождя; любил хорошо поесть и поэтому в последние годы его фигура уже потеряла былую стройность; он любил есть сырое мясо, нарезаая его тоненькими, почти прозрачными ломтиками – для этого мясо нужно было хорошо заморозить и есть его он тоже любил замороженным, слегка присыпанным толченым перцем; достать настоящее мясо было нелегко, но он имел большие возможности; он любил обманывать, просто так, ради самого удовольствия обмана, удовольствия, похожего на легкую щекотку, и особенно любил обманывать в мелочах, дурачить людей, так чтобы они верили тебе, не догадываясь, что ты над ними смеешься. Любил свою работу и очень серьезно относился к ней, переживая при каждом даже небольшом проколе. Любил прово-

дить вечера бездельничая – он лежал на веранде своего дома, в кресле или гамаке; любил рассматривать порножурналы и имел прекрасную коллекцию старых и древних журналов со всех концов света, любил выдумывать невероятные истории и рассказывать их случайным знакомым, любил случайные знакомства, любил фильмы о войне и о последних веках Рима, фильмы ужасов – там где убивают так много народу, что, кажется, люди превращаются в огромный человеческий фарш. Но больше всего он любил убивать сам.

Его звали Икемура и в нем не было ничего японского, кроме фамилии. Если бы его спросили, сколько людей он убил, он бы не смог ответить, ведь он давно сбился со счета.

Он совсем не походил на тех древних маньяков убийц вроде Синей Бороды Потрошителя или какого-нибудь Чикатины – то были любители. Икемура не был.

Еще он любил опасность и поэтому часто появлялся в опасных местах. Сейчас он открыл дверь и вошел в бар, в одно из таких мест, куда редко кто приходит без охраны. В баре почти никого не было, большинство посетителей разошлись по игровым залам.

– Что вы хотели? – спросил его длинный, худой человек в форменном неновом пиджаке.

Икемура посмотрел ему в глаза и выдержал паузу чуть дольше обыкновенной паузы. Человек приготовился повторить свой вопрос.

– Играть, конечно, – сказал Икемура. Что, по-вашему еще

я могу хотеть здесь?

– Какие ставки?

– Самые большие.

– Вы знаете, куда пришли?

– А я, по-вашему, похож на идиота?

Впрочем, он умел быть похожим на кого угодно.

– Тогда в девятую комнату, пожалуйста. И если ставка будет самой большой, то пусть будет поменьше крови, она плохо отмывается, – сказал человек в пиджаке и попробовал понять, на кого похож этот странный посетитель без оружия и без охраны; попробовал понять, но не смог.

– Сколько их? – спросил Икемура.

– Трое. Двое мужчин и одна женщина. Они еще не начинали игру. Вам повезло.

– Мне часто везет, иначе бы я не играл. Это тебе.

Он бросил металлический рубль и человек поблагодарил его жестом.

Икемура вошел и оценил ситуацию. Первый был невысокого роста, круглоголов, подстрижен очень коротко, так, что при каждом движении его головы под щетиной переливалась лысина, он был невысокого роста, широк в плечах, имел большие кулаки и дряблые веки. Лицо хмурое, тяжелое, с большим носом в и вдавленной переносицей. Пожалуй, не очень серьезный противник. Второй, сидящий за столом, был высокоросл, стройного сложения, жилист, с боль-

шим носом и жесткими глазами.

Этот может оказаться посерьезнее, мне нравится такой взгляд, – подумал Икемура, – но заранее не угадаешь.

Вот этот згляд. Он посмотрел в глаза второму и выдержал паузу.

– Ну? – спросила женщина.

Судя по интионации вопроса, глупа.

Это была женщина из тех, которые ему нравились. Умные ведь нравятся редко.

Сразу было видно кто она такая – из очень богатых, пресыщенных жизнью, любящих риск, может быть, любящих смерть, но не так сильно, как любил ее сам Икемура.

Из тех, которые любят топтать мужчин острыми каблучками. Из тех, которые умеют это делать и делают это постоянно – даже не ради удовольствия, а по привычке.

Ну что же, – подумал он, – сегодня ты проиграешь.

– Ты пришел играть или смотреть на нас? – спросила женщина. Сегодня ночью ей придется заговорить иначе. Пусть покрасует, пока.

– А ты заткнись, стерва, – сказал Икемура спокойно и подошел к столу. На столе лежала нераспечатанная колода.

– Не говори так с женщиной, – сказал низкий.

– Ты мне не указ, – ответил Икемура, чувствуя всем своим существом, как накаляется обстановка. Он любил накалять обстановку до предела, до того самого предела, когда, казалось, каждое слово начинало звенеть и отдаваться почти

болью в твоём сознании, и вот сейчас будет этот взрыв, но... Но ему всегда везло.

Даже если взрыв происходил, его не задевало осколками. Ему удивительно везло.

– Там на что мы будем играть? – спросил высокий.

– На самые большие ставки.

– Что ты ставишь?

– Я ставлю двадцать тысяч рублей.

– Сколько? – удивилась женщина.

– Двадцать тысяч рублей.

– Покажи.

Икемура вытащил из внутреннего кармана пачку из двадцати оранжевых бумажек.

Высокий присвистнул. Он удивился не при виде такой суммы, хотя ни разу в жизни не видел двадцати тысяч сразу и даже не при виде столь крупных банкнот, он удивился тому, что человек, очевидно не имеющий оружия, и не имеющий при себе телохранителя, приходит вечером сюда и держит такие деньги просто во внутреннем кармане. Это было невероятно. Человек, который пришел играть, был либо сумасшедшим, либо...

– А как с вашей стороны? – спросил Икемура.

– Слишком высокая ставка. Но я пожалуй взялась бы, – сказала женщина, – но давайте, пусть это будет не двадцать, пускай будет четыре тысячи.

– Четыре тоже слишком много, – хмуро сказал невысокий.

И все равно, ты же знаешь, что четырех не хватит.

– От тебя, дружок, мне не нужно денег, – ответил Икемура.

– Что же тогда? Я могу сыграть больше, чем на деньги.

– Понятно, здесь ведь играют на самые высокие ставки.

Ты хочешь двадцать тысяч?

– Да.

– Тогда вот это.

Икемура вынул из кармана небольшой прозрачный коробок, напоминающий зажигалку.

– Что это такое?

– Это смерть. Вот этот шарик, видишь? Она в одном шарике из трех. Да, да, один из трех.

– Они все одинаковы.

– Тем интереснее. Проглотив этот шарик, человек умирает. Но не сразу, а через несколько минут. Если хочешь, мы сыграем на этот шарик.

– Как?

– Против двадцати тысяч.

– Тридцать, – сказал низкий.

– Зачем тебе это нужно? – вмешалась женщина. В ее голосе было привычное раздражение. Чувствовалось, что она привыкла держать людей в кулаке, но сейчас кто-то или что-то взяло в кулак ее саму.

– Сама знаешь, – ответил низкий, – меньше тридцати не хватит. Тридцать и не меньше.

– Ты так дорого ценишь свою жизнь?

– Просто мне нужно тридцать.

– Я согласен, – сказал Икемура, – пусть будет тридцать.

Он добавил еще десять банкнот.

– Начнем. Летнее утро!

Стены комнаты вспыхнули разноцветными огнями и и изобразили летнее утро в лесу.

Информация:

К началу двадцать второго века земная техника достигла громадных успехов.

В первую очередь, военная техника. Большинство достижений военной техники со временем теряли свой прикладной военный характер, так как изобретались различные способы противодействия, и переходили в область обычной техники, бытовой.

Одним из таких изобретений была видеокраска. Видеокраска была изобретена военными в шестом году текущего века, недолго применялась в военных целях и после этого широко распространилась по всем континентам, и теперь практически каждый человек, имеющий свою квартиру или дом, одну или несколько комнат раскрашивал видеокраской.

Видеокраска была двух сортов – военная и обычная. Военная видеокраска могла выполнять дополнительный набор команд, боевых команд: «огненный шторм», «огненный смерч», «красное солнце» или команду «кобра». А также

некоторые другие команды. Правда, в большинстве случаев комнаты раскрашивали обыкновенной видеокраской, хотя боевая была ярче. Видеокраска слушалась приказа любого человека, который находился в комнате, приказ воспринимался по интонации голоса.

По приказу видеокраска изображала любую желаемую картину. И могла не только создать картину в стереоизображении, но и передать звуки, запахи, могла создавать и гравитационные эффекты. Например, морскую качку или тряску при езде в автомобиле или воздушные ямы при полетах и даже перегрузку при полетах космических кораблей. Видеокраска создавала почти полную иллюзию присутствия в любом желаемом месте.

Икемура приказал: Летнее утро! – и комната окунулась в летнее утро.

– Не так ярко! – приказала женщина просто для того, чтобы что-то возразить, – свет солнца несколько ослабел.

Они начали играть.

Через полчаса низкий проиграл окончательно.

– Это нечестно, – сказал он. – Ты все время вытягиваешь большую карту.

– Ну что же тут нечестного? – сказал Икемура. – Просто мне везет.

– Так не бывает, – сказал низкий, – так не бывает, чтобы везло всегда.

Хотя бы раз ты должен был проиграть.

– Но, – ответил Икемура, глядя ему в глаза и наслаждаясь этим взглядом, – если бы я хотел тебя обмануть, я бы специально проиграл несколько раз, а так, просто судьба. Просто мне сегодня везет. Ты видишь, тебе не получить денег, теперь тебе придется проглотить этот шарик.

– Я не стану этого делать, – сказал низкий. – Я же сказал, ты играешь нечестно.

Он встал из-за стола. Впрочем, он был не таким уж и низким. Среднего роста. Так же, как и Икемура. И видно, привык к дракам. Один только нос многое говорит. Икемура тоже поднялся и отодвинул стул.

– Ты собираешься со мной драться? – спросил он. – Но это не даст тебе твоих тридцати тысяч.

– Я хочу играть еще.

– У тебя больше не на что играть. Скажи мне, а почему ты согласился играть на жизнь?

– Потому что, если я не отдам этих денег к завтрашнему утру, мне все равно не жить.

– Ах, так ты задолжал. Не надо влезать в долги, паренек.

– Я тебе не паренек.

Низкий попытался ударить, но Икемура ловко увернулся и удар прошуршал, даже не коснувшись его одежды. Удар был простым – из тех, которыми пользуются любители – Икемура даже не слишком старался, чтобы уйти от него.

– Ничего себе, – удивился высокий. – Это где же такому учат?

– Там учат, где тебя не было, – сказал Икемура и ударил приемом fgj+.

Низкий свалился на пол и начал дергать ногами, как дергает хвостом рыба, попавшая на крючок.

– Ну-ну, мой мальчик, вставай, не все так плохо, – сказал Икемура. – Вот так, садись за стол.

– Но ты играл не честно.

– Разве? – сказал Икемура. – Я могу тебе доказать. Как ты думаешь, в этой комнате обычная краска или боевая?

– Боевая, – ответил низкий, – это сразу видно.

– Я вижу, ты разбираешься. Теперь послушай, что я скажу. Как ты думаешь, если я прикажу «огненный шторм», что случится?

Высокий приподнялся из-за стола.

– Прости парень, но у тебя не все дома. Говорить такие слова здесь. А если бы она сработала?

– Так что будет, если я прикажу «огненный шторм»? – спросил Икемура, даже не взглянув на высокого. Он чуть повысил голос, приближая его к интонации приказа.

– От нас останется один пепел.

– Вот. А теперь я приказываю: «Огненный шторм!»

Стены комнаты вспыхнули и вдруг погасли и стали совершенно черными.

Включились, загудев, люминисцентные светильники. Один из них мигал.

– Что это было? – спросила женщина. Она еще ничего не

поняла.

– Что-то случилось с краской, она не выполнила команду. Я ведь сказал, что мне сегодня везет.

– Почему?

– Потому что такое бывает. Оружие отказывает иногда, – он говорил, глядя на своих противников, как сытый ленивый кот в мультфильмах. Ленъ была только на поверхности – внутри сердце билось радостно и быстро.

– Зачем ты это сделал?

– Я хотел показать, что мне везет и как сильно мне везет. Я не люблю, когда меня обвиняют.

– А если бы она сработала?

– Нет, ты ведь видел, что я всегда вытаскивал старшую карту. Сегодня мой день. Теперь, – сказал он, – я хочу посмотреть, как ты умрешь. Вот, глотай один из шариков, на выбор. Два из трех безвредны. Выбирай. Но ты все равно выбирешь тот, который задумал я.

Низкий взял прозрачную коробочку в ладонь.

– Она холодная, – сказал он.

– Это холодильник. А знаешь, что это за шарики?

– Яд, наверное.

– Нет, не яд. Это древний способ, очень древний способ, которым охотились северные народы. Здесь пластинка китового уса, свернутая в спираль. Она обмазана жиром, который застыл. Пока пластинка не распрямляется. Длина ее примерно пять сантиметров. Когда ты проглотишь этот шарик, жир

растает в твоём желудке. Пластинка распрямится и проколет стенки желудка. Ты будешь умирать долго и мучительно.

– Мы так не договаривались.

– Как же. Я с самого начала поставил на стол эту коробочку. И ты проиграл.

Кажется, низкий понял, что ему не удастся уйти.

– Он мой брат, – сказала женщина. – Могу я что-то сделать для него?

– Если ты имеешь ввиду деньги, то нет. Мы ведь играли не на деньги. Но мне нравится твоё тело. Я хочу сегодняшнюю ночь, и хочу делать с тобой этой ночью все, что мне вздумается.

– Я согласна, – сказала женщина. Если ты отпустишь его.

– Я отпускаю тебя, – сказал Икемура, – по просьбе дамы. Между прочим, по очень глупой просьбе – ты ведь все равно не найдешь тридцати тысяч до утра. И я забираю твою сестру. Я уйду, а вы можете играть по мелочи.

Он взял женщину под руку и вышел из комнаты. Пройдя несколько шагов по коридору, он остановился.

– Как, – спросила женщина, – мы идем к тебе?

– Сейчас выйди и подожди меня у наружной двери.

– Зачем?

– Я приказал, а ты подчиняйся.

Женщина дернула хвостом волос и пошла, цокая каблучками.

Икемура стал ждать. Все люди одинаковы. Это произой-

дет сейчас или через минуту. Он стал на безопасном расстоянии от комнаты; даже если бы дверь открылась, его бы не задело вспышкой.

В комнате остались двое.

– Да, сказал высокий, – веселенький сегодня выдался вечер. А как он тебя ударил.

– Это боевой прием, – сказал низкий. Это наверняка секретный прием со знаком. Такому не учат никого, кроме членов групп. Правда есть еще эти, черные, ты знаешь, со стеклянными глазами – но их ведь всегда легко отличить от нормальных людей. И им здесь нечего делать.

– Но если он член группы, то что он делал здесь? Неужели ему мало своих развлечений?

– Да черт его знает. А как он сказал...

– Что сказал?

– Он увел твою сестру.

– С ней ничего не случится. И потом – она ведь и вправду стерва, пусть поиграет.

– Вот эти слова, я боюсь их повторять.

– Да наплевать, – сказал низкий, – значит, это в самом деле не боевая краска, он это знал. Краска никогда не выполнит эту команду.

– Ты уверен?

– Уверен, – сказал низкий. – Слушай: Огненный шторм!

Видеокраска взорвалась огнем и через несколько секунд от двух стоявших в комнате людей, от мягких стульев, от

зеленого сукна и от колоды карт остался только пепел. Догорал, дымя и выплевывая язычки пламени, перевернутый стол.

Комната медленно остывала и потрескивала, остывая. Световое лезвие вышло из щели в неплотно закрытой двери и оставило на противоположной стене полосу вскипевшего пластика.

Икемура заметил вспышку, слегка улыбнулся сам себе и пошел вслед за женщиной.

Он бросил на пол прозрачный коробок с тремя круглыми таблетками от зубной боли. Никакой смерти в коробке не было. Когда человек попадает в отчаянное положение, он может поверить во что угодно, даже в сказку о древней охоте с помощью китового уса. А ведь он поверил и согласился бы проглотить, надеясь, что вовремя сделанная операция спасла бы его от смерти. Из всех игрушек люди – самые интересные. Одна интересная игрушка еще остается.

Он уже представлял себе, что будет делать с женщиной этой ночью – прежде всего, он не узнает даже ее имени, такие мелочи женщин возмущают больше всего, а о том, как погиб ее брат, он расскажет ей только утром; он будет знать всю ночь, но не скажет ей. И еще будет много интересного.

Но судьба распорядилась иначе.

Он привел женщину в свой дом на четырнадцатую улицу, оставил ее в комнате второго этажа. Приказал накормить кошек. После этого спустился вниз и проверил сообщения, пе-

реданные в его отсутствие. Первое же сообщение заставило его забыть о женщине и о том, что произошло недавно.

4

Сегодня у него было плохое настроение – сегодня ему снова расхотелось жить.

Орвелл откинулся на кресле и вдавил руками глаза. Надо повалять Ваньку, – подумал он, – это всегда помогает.

В начале двадцать второго века технология так резко рванула вперед, что теперь ее возможности стали безграничны. Практически безграничны. Технология была способна создать самый невероятный прибор или самое причудливое устройство.

Технология была способна создать даже искусственного человека, и скрестить его с настоящим. И это было только началом технологической революции. Совсем недавно вошел в моду Ванька – игрушка, снимающая усталось.

Ванька представлял собой три фигуры, размещенные в углах квадрата.

В первом углу стоял сам Ванька – человеческая фигурка на одной ноге и с тремя руками. Во втором углу – позрачная коробочка с мелким живым существом (обычно рыбой, мышкой или воробьем). Коробочка полностью обеспечивала жизнедеятельность своего пленника. В третьем углу был механический диктофон, а четвертый угол был пуст. В Ваньку

играли так:

– Ванька, голос! – сказал Орвелл.

Фигурка с тремя руками ожила, задвигалась и стала петь бессмысленную песенку, хлопая себя ладонями по лбу.

Появились в нашем веке людоедо-человеки...

Так начал петь Ванька. Игрушка была устроена таким образом, что, как только несколько случайных и полубессвязных строк давали подобие смысла, фигурка Ванька замирала. Зато начинала петь следующая фигурка. Воробей, мышь или рыбка испуганно открывали рот и продолжали ту же песню. И снова случайные строки вдруг совпадали по смыслу – животное прекращало петь и передавало эстафету диктофону. Диктофон передавал эстафету пустоте. Пустое пространство пело продолжение глупейшей песенки. Потом снова начинал Ванька – так песенка бегала по кругу. Как утверждали психологи, Ванька прекрасно снимал усталость и напряжение. Действительно снимал. Игрушка реагировала только на два приказа:

«Ванька, голос!» и «Ванька, молчать!». Отдыхать с помощью такой игрушки называлось «Валять Ваньку». Ваньки были во всех служебных кабинетах, во всех частных домах и квартирах, во всех развлекательных заведениях. Миниатюрные Ваньки устанавливались даже в автомобилях. Но пройдет несколько месяцев и новая модная игрушка вытес-

нит доброго веселого Ваньку.

Жили-были Ваня с Петей на неведомой планете... – продолжал чирикать воробей, довольно мелодично. Мелких животных специально выращивали в больших количествах, чтобы удовлетворить спрос на Ванек.

Каждое животное выдерживало гарантированные две недели такой жизни, а потом умирало и заменялось новым.

Как срубили все кокосы – занялись пномпеньским боксом.

Самый модный спорт теперь – надо пнуть сильнее пень! – спел воробей и закрыл клюв. Строчки совпали по смыслу, и теперь включился диктофончик. Орвелл слышал его, не различая слов. Он сидел с закрытыми глазами.

А когда повыврастали, зубы вставили из стали.
Эти зубы как ножи – очень-очень хороши.

Смысл снова совпал и теперь песню подхватило совершенно пустое место.

Ничто произносило слова – совсем несложный трюк современной техники.

Ванька помогал; Орвелл чувствовал, что усталось уходит.
Телефон.

– Алло? – Орвелл поднял трубку, – вы никак не могли

обойтись без меня?

Да, меня это интересует, но сегодня я занят.

Сегодня он действительно был занят. Дело в том, что случилось экстраординарное событие: вторая планета Бэты Скульптора перестала отвечать по лучу надпространственной связи. Перестала отвечать во всех диапазонах; перестали отвечать все станции связи. А станций было не меньше десятка.

Орвелл листал только что прибывшую информацию о планете. Большую часть записанного он знал сам. Но, когда случается чрезвычайное событие, может помочь любая мелочь. Орвелл бы никогда не простил себе, если бы он пропустил такую мелочь.

Вторая планета Бэты Скульптора была единственной, не считая Земли, где существовала разумная жизнь. Разумная жизнь на «Бэте» (так называли планету все, кто имел доступ к информации) прекратилась несколько столетий назад. Зато сохранились памятники истории, поистине великой истории народа, который уничтожил сам себя.

Древние обитатели Бэты имели цивилизацию, гораздо превосходящую земную. Они смогли пережить изобретение топора, пушки, ядерной бомбы, психотропного оружия, бомбы с кибернетическим мозгом и прочих прелестей, без которых не развивается ни одна культура. Но они пошли дальше: был создан аппарат, уничтожающий только опасного врага.

Это было устройство небольшого размера, которое прикреплялось к любому оружию – к кибернетическому мозгу, к пушке, даже к луку с натянутой тетивой. Если приближался опасный враг, то оружие срабатывало на уничтожение; если приближался трус, предатель или просто ничтожный человек, оружие его иногрировало, оставаясь взведенным. После двух-трех столкновений вражеские армии просто разбежались по домам, потому что никто не хотел воевать. Оставались только слабаки и нерешительные.

Но войны не прекращались – начальники посылали в бой все новые и новые толпы. И все новые толпы дезертировали, прореженные гребенкой супероружия, которое убивало только смелых. Так начался искусственный отбор на вырождение.

Оставшиеся в живых трусы были неспособны уничтожить громадные запасы оружия, а оружие срабатывало вновь и вновь, выбивая из опустившейся человеческой массы лучших и оставляя худших. Все худших, худших и худших. Пришло время и жители Бэты потеряли письменность. Потом они разучились разговаривать. Потом были полностью поглощены дикой природой. Вскоре на планете не осталось ни одного разумного существа.

Вторая планета Бэты Скульптора довольно быстро была освоена людьми – она по большинству параметров походила на Землю. Тридцать-сорок лет на Бэте процветала колония землян, которая постоянно расширялась. Поселенцы обыч-

но не хотели возвращаться, называя новую родину обретенным раем. Дети, родившиеся на Бэте, и думать не хотели о возвращении на Землю.

Орвелл однажды посетил эту счастливую колонию – лет тринадцать назад. Это и в самом деле был курорт всепланетного масштаба; с обилием пищи, развлечений и минимумом труда. В тот раз Орвелл подумал, что Бэта – лучшее место во Вселенной, где бы он мог провести свою старость. Но до старости было еще далеко.

И вот теперь там что-то случилось. Правда, счастливые жители Бэты иногда не понимали земных забот и устраивали и мелкие веселые розыгрыши и праздники, во время которых со связью могло происходить все, что угодно. В этот раз начиналось так же. А потом анализаторы логики (устройства, контролирующие каждый надпространственный приемник) объявили об опасности. И после этого связь прервалась. В этой ситуации даже не пахло ни праздником, ни розыгрышем. Орвелл оперся подбородком о кулаки и задумался. Снова заорал телефон.

– Я же сказал, что занят, – он помолчал, вслушиваясь в сообщение. – Ладно, я буду. Это действительно важно.

Еще этого не хватало.

Если только это правда.

Он положил трубку и нажал кнопку вызова.

– Сейчас выезжаем. На базу X – 14. Потом отведете ма-

шину обратно. Я сегодня не вернусь.

– Когда быть готовым? – спросил сержант.

– Сейчас.

Через пять минут Орвелл сидел в машине. Голубой жук с прозрачной кабиной плавно взял с места и, ускоряясь, двинулся к тоннелю. Орвелл чувствовал, как ускорение прижимает его к креслу.

Водитель был нужен, собственно, только вначале и в конце поездки. Сам тоннель контролировался электроникой и скорость автомобиля достигала сверхзвуковой. Конечно, такие скорости требовались лишь для поездок на большие расстояния. До базы Х – 14 было около восьмисот километров.

Орвелл выключил внутреннее освещение (только перетекли живые голубые звездочки на панели управления) и задумался. Он любил думать в темноте. Сержант молчал: по уставу ему не полагалось говорить. Думать ему тоже не полагалось.

Черт бы побрал все эти чертовы уставы, которые делают из человека механизм, – подумал Орвелл, но ничего не сказал. То, о чем думаю я, это только мое дело.

Итак, кажется случилось. Сбито еще одно летающее блюдце (второе за всю карьеру Орвелла), но теперь внутри блюдца явно кто-то есть. Блюдце упало в океан и попробовало уйти под воду, довольно резвым маневром, но было быстро выловлено и сейчас находилось на палубе ракетного крейсера,

окруженное самой мощной техникой уничтожения, которая была на Земле. Существа изнутри подавали неясные сигналы, но до прибытия специалистов никто на сигналы не отвечал. Орвелл и был тем самым специалистом, чье присутствие требовалось.

Ультразвуковое сканирование позволяло получить четкую картинку того, что находилось внутри. В принципе, существ можно было изучать, даже не вламываясь внутрь. Но военные обязательно вломаются – им нужны новые технологии для нового оружия.

Орвелл нажал кнопку связи.

– Новости?

– Пока никаких.

– Сколько существ?

– Двое.

– Передайте изображение.

Кабина слабо осветилась: в пространстве повисла стереокартинка. Двое. Цвет кожи неизвестен (ультразвуковое сканирование не позволяло определять цвета; компьютер раскрашивал наиболее вероятным цветом, иногда угадывая). Одежды нет.

Половых признаков нет.

– Какого они роста? – спросил Орвелл.

– Около полутора метров. Обратите внимание на глаза.

– Уже обратил.

Глаза были очень большими и совсем без век, похожи на

рыбы. Рта практически нет. Туловище маленькое. Руки и ноги тонкие. Такое существо будет весить килограмм тридцать, не больше. Судя по поведению, они взволнованы. Еще бы. Они ведь не могут не понимать, в какой опасности находятся. Пожалуй, вернуться к семьям им уже не придется. Если у них есть семьи.

Орвелл заметил, что сержант тоже рассматривает картинку. Небольшая утечка информации. Что ж, устав есть устав.

– Запрещаю кому-либо рассказывать об этом.

– Есть! – сказал сержант и отвернулся.

– Можете смотреть. Что вы об этом думаете?

– По-моему, они боятся.

– А что бы ты делал на их месте?

– Я бы тоже боялся. Или предупредил бы: если не отпустишь, то высажу в воздух весь твой корабль! Вот бы морячки забегали, они ведь не знают, блеф это или нет!

Сержант выругался. Он любил сладко ругнуться и сладко не любил моряков.

– Я запрещаю вам ругаться в моем присутствии.

– Есть! – сержант снова отвернулся. На этот раз сержант обиделся: все военные ругаются, это их святое право. Если каждая шишка будет...

Орвелл с детства не переносил брани. Наверное, из-за своего воспитания: он имел очень начитанную мать (правда, мать больше читала мелодрамы) и отца – профессора-лингвиста. Профессора-лингвисты пока еще не все вымерли на

Земле; они помогали, к примеру, создавать такие вещички, как Ванька. Отец был со странностями. Он любил повторять, что брань – это остаток животного языка, звуков без смысла, который проявляется в человеке только тогда, когда не хватает языка человеческого. Возможно, отец был прав. Еще отец говорил, что брань похожа на болезнь – как только ты попадаешь в плохую компанию, ты заражаешься. Тогда Орвелл решил взрастить в себе невосприимчивость к болезням.

В детстве все мы принимали громадные решения по поводу чепухи.

Было еще одно обстоятельство: по соседству с домом, в котором тогда жил Орвелл, обитала семья двух никчемных пьяниц. Они любили друг друга, эти полуживые существа, но переговаривались только бранью. Однажды ночью муж ушел в лес и повесился. На следующую ночь то же сделала жена. Орвеллу тогда было одиннадцать; он был впечатлителен и раним как мимоза; он запоем читал фантастику и мечтал о карьере пилота-исследователя. Мечты исполнились, даже с лихвой.

Кресла развернулись и Орвелл снова почувствовал могучую вдавливающую силу.

Сейчас машина тормозила. Поездка заняла тридцать минут. Еще десять минут на слайдере – и он окажется на месте. Сержант включил Ваньку и Ванька запел:

Тяжела рука у Лены как баллон с ацетиленом...

5

Летательный аппарат действительно был похож на блюдо. В этот раз он был более выпуклым и большего диаметра. Прошлый попадался Орвеллу лет семь назад. В прошлом не было ничего нового – маленькие сбивали часто.

Точно похож на блюдо, на перевернутое блюдо. И спастись этим малышам не удастся.

Подумав о блюде, Орвелл вспомнил, что уже три и пора бы поесть. Что-нибудь простое. Хотя бы сэндвич. Просто слюнки текут.

Он склонился над экраном сканера. Внутри блюда всего одна жилая камера.

Небольшая. Уборной или умывальника нет. Видимо, эти синие червякообразные (машина раскрасила пришельцев оттенками синего) не имеют не только пола, но и пищеварения. Счастливые они, столько проблем отпадает. Зато пролемы у нас – если они не питаются, то как их кормить? Если не кормить, то обязательно умрут. Все равно умрут.

– Это что, наручные часы? – спросил Орвелл. – Покажите подробнее.

Сканер заработал с максимальным разрешением и Орвелл увидел запястье существа. На запястье был тонкий браслет с кружком. В кружке всего одна стрелка.

– Покажите вторую руку.

Вторая рука тоже имела браслет и тоже с одной стрелкой. Но стрелка была иной.

– Ты заметил? – спросил Орвелл.

Сейчас к нему подошел Коре – коллега, но не друг. Орвелл вообще не умел заводить друзей. В детстве он был стеснитель, а в юности слишком разборчив – так и не научился.

Коре было около сорока, он был почти двухметрового роста и очень силен.

Ходили слухи, что когда-то задавил насмерть новичка. То было давно, на спецподготовке. Просто несчастный случай. Случай замяли и он превратился в слух. Коре был могуч и жесток без зверства – могуч и жесток как закон математики, против которого бессильны любые потуги.

– Ага, заметил, – ответил Коре, – правая стрелка все время мечется, а левая показывает постоянное направление. Таких устройств нам еще не попадалось, правда?

– Правда, – сказал Орвелл, – но не думаю, что это что-то стратегически важное. Скорее всего мы не сумеем примечать эти штуки.

Он уже кое-что заметил и не собирался об этом сообщать, до поры, до времени.

Первое правило: сначала подумай о последствиях, а потом говори.

Как хорошо раскрашена рука – видно, как бьются розовые жилки под синей кожей. Значит, у них есть сердце.

– У них есть сердце, – сказал Орвелл.

– Попробуем поймать зверюшек живыми? – спросил Коре почти весело.

– Не думаю, что получится.

– Я поймаю.

– Я не это хотел сказать. Когда ребенок хочет выкормить птенца, птенец гибнет, несмотря на любовь и старания. А у нас ведь любовью и не пахнет. Они не выживут. Мы не знаем их системы питания.

– Тогда выживет один, – ответил Коре. – Второй зачахнет, наши медики его разрежут и быстренько узнают все о его внутренних системах. Первого мы сумеем спасти.

– А если он не захочет жить один?

– Любовь, что ли?

– Да. Ну хотя бы?

– Твоя мать случайно не читала мелодрамм?

– Еще как читала.

– То-то же. У них ведь нет..... а без него любовью не займешься – Коре выругался и засмеялся. – Даже если они оба сдохнут, мы все равно все узнаем о них. Я начинаю. Да, кстати, как у тебя с Кристи?

– Я же говорил, что она меня не интересует.

Кристи работала вместе с Орвеллом, часто видела его на работе, иногда они вместе возвращались – ничего больше.

Кристи была интересной девушкой и, кажется, влюбленной в своего шефа (такое всегда виднее со стороны) – поэтому все, а об этом вялом романе знали абсолютно все, все мечтали их поженить. Особенно старались мужчины, как ни странно. А больше всех мужчин старался Коре. Орвелла все это немного раздражало и немного радовало (радость была глубокой и неясной, как слабый свет, приходящий со дна моря) – всегда приятно нравиться молодым женщинам, даже если тебе ничего от них не нужно.

Коре пошел вдоль периметра блюда. Стрелка на запястье пришельца начала оборачиваться. Лицо пришельца выражало ужас. А все-таки они похожи на нас, – подумал Орвелл.

Стрелка показывала на Коре и двигалась в точном совпадении с его движениями.

– Режем здесь, – сказал Коре и аппараты заработали.

Двое существ внутри сели на подобие лавочки и взялись за руки. Правые стрелки перестали метаться и теперь показывали кончиками друг на друга. Левые стрелки показывали на то место, где через несколько минут появится оплавленная дыра. Орвелл смотрел, пытаясь предугадать развитие событий.

Правые стрелки стали гаснуть. Розовые ручейки под синей кожей перестали биться.

– Все, – сказал он.

– Что значит «все»?

– Они умерли.

– От чего бы это им умереть?

– Не знаю. Возможно, от страха.

– Если каждый засранец начнет умирать от страха, то кто же останется? – спросил Коре.

Он был по-настоящему огорчен. Если все начнут умирать, взявшись за руки...

6

Медики разрезали пришельцев и узнали, что внутри у них почти ничего не было. Не было системы пищеварения, поэтому пришельцы и казались такими худыми.

Довольно сильно развита нервная система. Отличаются от человека примерно настолько, насколько человек отличается от дельфина. Кровь зеленая, с медью вместо железа.

Электронщики сняли все устройства, которые представляли интерес, и стали их исследовать. Прошло четыре дня, а положительных результатов нет. Некоторые устройства работают, работают неизвестно как и неизвестно зачем.

Браслеты, к счастью, не привлекли особенного внимания. Орвелл ознакомился с этими приборами в лаборатории. Ему доверяли. К его советам прислушивались. Его приказы выполнялись быстро и охотно – все приказы были разумными до сих пор.

– Это скорее всего украшения или метки, – сказал

Орвелл.

– Возможно, – ответил один из техников.

– Наверняка не оружие.

– Да, не похоже.

– Но вы обращайтесь поосторожнее с этими штуками. Не надевайте их на руки.

Если хотите на кого-то нацепить, то лучше используйте животных.

– Тогда мы не все сможем узнать.

– Все равно не надевайте.

– Это приказ?

– Да, – сказал Орвелл. – Категорический приказ. Те существа умерли не от яда или повреждений. На них были браслеты. Разве я не прав?

– Что-то в этом есть, – ответил техник. – Но мы просто разберем эти штуки по молекулам и все о них узнаем. А правда ли, что они умерли взявшись за руки?

– Да.

– Очень это непонятно.

– Разбирайте только одну пару. На всякий случай. Вторая будет храниться у меня, – сказал Орвелл.

Электронщики разобрали почти по молекулам левые и правые «часы» с запястьев пришельцев, но ничего не смогли понять. «Часы» не имели внутреннего устройства, но работали – на каждом из темных кружков была стрелка, в объем-

ном изображении.

Стрелка могла двигаться и светиться разными цветами. Устройства оживали, надетые на запястье; даже надетые на лапу животного. Два были безнадежно испорчены учеными, а два Орвелл в конце концов взял себе, как не представляющие ценности. Оба браслета он надел на правую руку, чуть выше часов, и не снимал.

Он с самого начала понял с чем имеет дело. Понял, и сделал все, чтобы техники не догадались. Такая вещь слишком ценна для того, чтобы ее отдавать.

Орвелл был одним из тех немногих странных людей, для которых слово «совесть» не пустой звук. Скорее, это была вечно грызущая душу колючка – результат отцовского воспитания. Сейчас, когда Орвелл взял себе два, возможно ценнейших, предмета и сделал все, чтобы скрыть их ценность, он чувствовал себя преотвратно. Он утешал себя тем, что лучше украсть или уничтожить подобный прибор, чем отдать военным с их бешеными маршалами во главе. Вполне правильное утешение.

Одна из стрелок «часов» (стрелка напоминала огрызок карандаша) могла менять цвет от голубого до красного и принимать любое направление. Это был прибор опасности – та самая стрелка, которая указывала на Коре, когда он шел резать блюда. Направление стрелки показывало откуда грозит опасность, а ее цвет – насколько опасность реальна или близка. Человека, имеющего такой браслет, невозможно за-

стать в расплох.

Стрелка светилась в темноте и Орвелл специально прошел однажды темными улицами пригорода, чтобы проверить, как она действует. Улицы были почти мертвы. Сюда никогда не заезжала полиция; здесь никогда не бывали богатые ребята, которые всегда ездят с собственной охраной. Окраины города плавно перерастали в непроходимый лес, прорезанный только несколькими магистралями.

Магистрали охнаниялись электроникой и были безопасны. Но все равно, даже там кого-то похищали, кого-то взрывали, в кого-то стреляли. Орвеллу не было дела до всех этих штук – люди никогда не умели уживаться так, чтобы кого-нибудь не убивать. Просто нужно уметь защитить себя.

Он имел с собой пистолет. А пистолетом он умел пользоваться.

Прибор работал безотказно. Несколько раз пришлось уйти от опасности, несколько раз опасность уходила сама, но только раз пришлось вынуть пистолет – когда к Орвеллу подошел невзрачный мужчина, вроде бы совсем не боевого вида, и стрелка загорелась ярко-красным. Орвелл узнал его еще до того, как зажглась стрелка – узнал по стеклянному взгляду.

Мужчина все понял, увидев пистолет, но не испугался, а резким, почти невидимым движением, ударил Орвелла по

руке. Это был настоящий профессионал.

Такому удару учат с детства. Такой человек не умеет и не знает ничего, кроме нескольких ударов вроде этого. Идеальная машина для умервщления.

Настоящий профессионал вынул нож.

Прибор опасности щелкнул.

Орвелл почувствовал необычную щекотку во всем теле. Страх совсем не было. Было лишь то чувство, которое, наконец, знают марионетки, когда их поднимают за веревочки и заставляют танцевать.

– Что это щелкнуло? – спросил киллер.

– Твоя смерть.

– Даже так?

– Даже так, – язык Орвелла говорил, совершенно неподконтрольный сознанию.

Похоже, что сработал прибор, – подумало сознание и совершенно успокоилось.

– А ну-ка, посмотрю, – сказал киллер.

Кулак Орвелла (совершенно независимо от его воли) прыгнул вперед и киллер свалился. Даже жаль беднягу.

Прибор опасности щелкнул еще раз, выключаясь, и Орвелл снова стал собой.

Кажется, эксперимент удался. Прибор не только указывал на опасность, но, если опасность становилась неотвратимой, заставлял действовать тело единственно правильным способом, отключая мозговое руководство.

Орвел еще раз проверил это свойство прибора. Чтобы не рисковать, он нацепил браслет на лапу зеленой мартышке и прицелился в мартышку из пистолета.

Прибор щелкнул и мартышка выпрыгнула из поля зрения. Она выглядела удивленной. Да, такую полезную штуку не стоило отдавать. Особенно сейчас, когда она осталась в одном экземпляре. Правда, был и второй прибор, еще полезнее.

7

Вторая стрелка меняла цвета от желтого до темно-синего. Темно-синий был плохо различим. Наверное, зрение пришельцев воспринимало цвета иначе.

Это был индикатор цели. Стрелка указывала на ту цель, которой в данный момент было занято сознание владельца браслета. Когда Орвелл хотел есть, стрелка указывала на холодильник, когда хотел спать — на кровать, когда вспоминал бывшую жену — показывала направление, в котором, предположительно, та находилась. Когда Орвелл ни о чем не думал или думал очень напряженно, стрелка металась, перепрыгивая с одной цели на другую. Это даже дисциплинировало. Как только стрелка начинала метаться, Орвел собирал внимание в одну точку и мысль буравила эту точку, добираясь до истины, как бур добирается до нефти.

Прибор действовал безошибочно. Кроме стрелки, брас-

лет имел еще несколько загадочных рисунков, неподвижных, но меняющих цвет. Шифровальщики наверняка бы разгадали каждый рисунок и даже выдали бы подробную инструкцию как пользоваться всеми возможностями прибора. Сам же Орвелл лишь выяснил, что означает синий кружок: если дотронуться до кружка пальцем, то включался легкий зуммер. Этот звук не позволял отвлекаться при решении серьезных задач. Наверняка остальные рисунки тоже позволяли усилить собственные способности так или иначе, но времени на выяснение уже не оставалось.

Орвелл успел хорошо проверить только индикатор цели. Для этого он дважды сыграл на скачках. Было сырое холодное утро. Мокрые и усталые искусственные лошади бежали вполсилы. Трибуны были полупусты. Орвелл сыграл в первом и во втором забеге. Индикатор цели оба раза показал ту лошадь, которая будет первой.

И оба раза Орвелл оставил выигранные деньги в кассе — он знал, что нечестно нажитое добра не приносит. Еще одна заповедь, намертво вбитая когда-то отцом.

Орвелл был странным человеком, но умел скрывать свои странности.

Сейчас он снова сидел в своем рабочем кабинете и ждал отчета о событиях, которые произошли на планетной колонии в Бэте Скульптора. Бормотал веселый Ванька. Прибор

показывал слабую неопределенную опасность. Стрелка не устанавливалась: слабая опасность грозила со всех сторон; в управлении каждый подсиживал каждого. Особенно опасны были друзья. Опаснее всех – лучшие друзья.

Орвелл нажал кнопку вызова.

– Икемура?

– Да. Уже почти все.

– Мне достаточно «почти». Я хочу знать, что случилось.

Заходи ко мне немедленно.

– Да. Еще пять минут.

Несмотря на фамилию, Икемура не был японцем. Даже в его внешности не было ничего японского. Это был полный веселый блондин, с легкой рыжинкой в усах, с громким голосом и со страстью к рассматриванию порножурналов. Еще Икемура любил выпить, но только не на работе. А работал он отлично. Последнюю неделю работал даже по ночам, хотя никто и не требовал этого. Икемура был почти другом, почти.

Еще Икемура был до удивления везучим. Рождаются же такие счастливики...

– На что это похоже? – спросил Орвелл, когда Икемура вошел и сел в удобное кресло, у стены.

Бэта до сих пор не отвечала на сигнал. Если это катастрофа, то катастрофа колоссальная. Придется посылать боевой крейсер, возможно не один. Главное, что ты не знаешь, с чем

тебе придется столкнуться. И все же это такое приятное и сладкое чувство – опасность.

– Надоела мне эта Бэта дальше некуда, – сказал Икемура. – Ты знаешь, шесть дней назал я привел домой такую женщину и она была такой мягкой, потому что у нее только что умер брат – она была на все готова – и тут вы со своей Бэтой.

– Где ты ее нашел?

– Женщину? В одном притоне. Мы там играли на жизнь и я выиграл.

Орвелл усмехнулся. Икемура не из тех людей, – подумал он, – которые способны пойти в притон и играть на деньги, не говоря уже о том, чтобы играть на жизнь. Правда, иногда он может рассказать такое, что не знаешь, верить или не верить. Главное, говорит будто бы совершенно серьезно.

– Тебе нужно мое мнение или официальное? – спросил Икемура.

– И то, и другое.

– С какого начать?

– С официального.

– Тогда все просто и глупо. Колония на второй планете Бэты Скульптора перестала отвечать по лучу. Вместо ответов мы получаем самую разную чушь.

Получали, я хочу сказать. А последние четыре дня вообще ничего. Оглухонемели.

Всеобщая молчаливая забастовка. Полное молчание – все

даже кушать перестали, чтобы не чавкать за едой.

– А если серьезно?

– А если серьезно, то официальная версия – беспорядки населения или опять выдумали местный праздник. Скорее всего беспорядки, потому что не работает передающая станция.

– Не очень верится. Сколько там людей?

– Ну, переписи не проводилось. В прошлом году было около восьми тысяч.

Условия там неплохие. Сейчас может быть и все десять. Люди ведь склонны к размножению. Веселое это занятие. Я сам поразмножиться люблю, но без последствий.

– Что-то ты не весело это сказал.

– Точно.

– Тогда что же там по-твоему?

– Я не могу сказать что там, но я знаю, на что это похоже больше всего.

– Ну и?

– Вирус Швассмана.

Орвелл задумался. Вирус Швассмана. Одна из самых странных и самых страшных космических катастроф прошлого столетия. Почти легенда.

– Но это же легенда? – спросил он.

– Да, но это легенда, которая происходила. Легенда, которую сделали легендой, для того, чтобы... Даже не знаю для чего.

– Вирус Швассмана, – повторил Орвелл, глядя на прибор опасности. Стрелка стала красной и установилась по направлению ко входной двери. – Примерно где сейчас созвездие Скульптора?

Икемура подпер языком щеку, вычисляя:

– Вон там примерно, – он показал на входную дверь.

– Документы остались? – спросил Орвелл.

– О вирусе? Никаких. Только слухи.

– Я тоже помню эти слухи, – сказал Орвелл, – люди превращаются в кузнечиков, вирус, который кушает и людские мозги и электронные и т.д. Не слишком ли это? И, если так, то их уже нельзя спасти. И опасности они не представляют. Они просто умерли, остается молиться за их души.

Икемура не знал, что означает слово «молиться». Он сделал вид, что знает.

Орвелл взглянул на прибор опасности. Стрелка розовела, вопреки его словам.

– Ты знаешь что-нибудь еще? – спросил он.

– Только продолжение легенды. Когда на комете Швассмана умер последний человек, то машина направила комету к Земле.

– Это естественно. Без управления она просто не могла отчалить от этого дряхлого куска льда.

– Это неестественно: она при этом передавала угрозы.

– Угрозы?

– Обещала взорвать Землю, свалившись прямо на Ала-
тайский энергетический реактор. Землю она бы не взорвала,
положим, но...

– Тогда нарушение программы?

– Нет. Тот корабль не мог двигаться без экипажа. А экипа-
жа не было. Это выглядело примерно так, как если бы взбун-
товался бульдозер и поехал бы крушить дома, сам по себе,
без человека.

– И чем это кончилось?

– Конечно, корабль расстреляли, – ответил Икемура. – Но
это все только легенды. А что ты думаешь?

Стрелка опасности снова стала красной.

Стрелка цели показала в сторону звездного атласа.

– Я думаю, что нужно посмотреть карты, – сказал Орвелл.
Икемура пожал плечами.

– Пожалуйста, – он взял атлас и начал листать. Скульптор.
Бэта Скульптора.

Планеты. Это здесь.

Он ткнул пальцем в фиолетовый разворот карты:

– Посмотрим на экране?

Прибор опасности щелкнул.

Забираю все награды на любых олимпиадах – пел Ванька.

– Что это щелкнуло? – спросил Икемура.

– Хрустнула косточка.

– Стареешь, командир.

– Все мы стареем, – он водил рукой над картой, глядя на стрелку. Яркая стрелка указывала точно на Бэту.

– Это действительно представляет опасность, – сказал Орвелл, совершенно не контролируя свой голос. – Нужно принимать срочные меры.

– Мы уже задержали рейс, – сказал Икемура.

– Правильно. Собери надежную команду.

– Совсем надежную не получится, – сказал Икемура, – обязательно ведь влезут парни из отдела. Ты уверен, что нужно лететь? Если это вирус?

– Если это вирус, – сказал Орвелл, – то нам не позволят вернуться. Нами пожертвуют на всякий случай, чтобы не занести заразу на Землю.

– Тогда можешь лететь без меня, – сказал Икемура, – сейчас я пишу книгу по философии секса и хочу ее дописать. Я еще не успел проверить на себе все упражнения.

– Ты не успеешь дописать свою книгу. На Бэте был целый ракетный флот. Если там вирус Швассмана, то этот флот сможет свалиться нам на головы. Целый парк взбесившихся бульдозеров.

– Ты считаешь, нужно лететь?

– Да. Только не на пассажирском и не на военном крейсере. На Хлопушке.

Прибор опасности щелкнул, выключившись.

– Я думаю, сказал Икемура, – что с экипажем больших

проблем не будет.

Возьмем группу Коре – там у него сейчас человек шесть. Потом, возьмем Дядю Дэна, а он возьмет с собой несколько женщин. Еще нужен хороший водитель, очень хороший, его ты выберешь сам, у меня никого на примете. Остается наблюдатель и мы с тобой.

– Сколько всего?

– Человек пятнадцать, не меньше. На Хлопушке будет тесновато, но как-нибудь поместимся. Значит, водитель за тобой.

8

Хлопушкой называли маленький корабль, специально предназначенный для надпространственных перелетов. Крупные корабли таких рейсов не выдерживали: на выходе в пространство их корежило или разрывало. Хлопушка использовалась уже восемь раз, примерно один раз в два года. Желających покататься на такой штуке было маловато. Слишком мал и неудобен был корабль. Он вмещал восемнадцать человек. Чаще всего среди экипажа было несколько биороботов, внешне не отличимых от человека.

Биороботы всегда изготавливались по подобию одного из участников экспедиции.

Они были довольно тупы во всех человеческих вопросах и очень расчетливы и точны во всех вопросах, доступных

совершенной машине. К тому же, они были очень быстры и сильны. Один биоробот смог бы справиться с парочкой бешеных носорогов, например. Он свернул бы носорожьей шеи голыми руками.

Икемура занялся подготовкой и подбором экипажа. Орвелл занялся собственным начальством. Дело, видимо, было серьезным – прибор опасности щелкал каждый раз, когда начальство собиралась отказать, и Орвел говорил именно ту фразу, которая решала дело в его пользу. Все же на подготовку ушла целая неделя.

Большинство членов экипажа были незнакомы Орвеллу. Он знал только Кристи – девушку из группы контактов – и Коре. Конечно, Икемуру. Еще были двое смутно знакомых ребят из отдела. Кристи Орвеллу слегка нравилась, но он привык не смешивать работу с личной жизнью. Водителя он нашел – просто выбрал лучшего и написал приказ.

– Ты все же нацепил эти побрякушки, – сказал Коре в первый же день подготовки. Он имел ввиду прибор опасности и прибор цели.

– Мне нравится все красивое, – нейтрально сказал Орвелл, чтобы не врать.

Ему нравилось красивое, он говорил правду, но не отвечал на вопрос. Орвелл не любил врать – некоторые считали это чудачеством, некоторые – начальническими причудами,

некоторые – удобным недостатком. Многие этим недостатком пользовались.

– Красивое, как же.

Стрелка опасности повернулась и показала направление на собеседника.

– Эта штука все время на меня показывает, – сказал Коре, – помнишь, еще там?

– Помню.

– Я на всякий случай взял реликтовый меч, – сказал Коре. – В этот раз мы будем непобедимы.

Реликтовый меч был самым страшным оружием, изобретенным на Земле. Этой штукой можно было уничтожить абсолютно все. Можно было даже устроить конец света в одной, отдельно взятой, планетной системе. Можно было заставить звезду взорваться. Пока еще меч использовался исключительно в мирных целях – для сварки и склейки.

Реликтовый меч невозможно было создать искусственно, но материал для него можно было найти в обширном межгалактическом пространстве. Примерно двадцать миллиардов лет назад, когда Вселенная рождалась из сингулярности, она вначале разбрызгалась, а уже потом начала расширяться. Все брызги были соединены нитями и каждая нить имела нулевую толщину и бесконечную плотность. Эти нити (реликтовые струны) до сих пор неприкаянно плавают во Вселенной. Благодаря нулевой толщине реликтовая струна проходит без

препятствий сквозь любую преграду, а благодаря бесконечной плотности искривляет пространство вокруг себя.

Искривленное пространство заставляет две половинки преграды слипаться, наезжать друг на друга. Поэтому струну можно использовать для сварки и склейки.

Аппараты для мирных целей имели струну длиной до двадцати сантиметров. Струна была похожа на дымящуюся нить – локальное искривление пространства заставляло гудеть и клубиться воздух. Из такой нити можно было бы изготовить меч, при желании. Человек, рассеченный таки мечом, не распался бы на две части, а, напротив, вдавился бы сам в себя.

Но настоящий боевой реликтовый меч имел переменную длину струны – до миллиардов километров. Таким мечом можно было срезать гору (гора сразу проваливалась в магму): можно было рассечь целую планету – планета вначале сплющивалась, а потом взрывалась. Сам меч был величиной с карандаш. Он срабатывал только в руке специально протестированного человека. Каждый меч программировался только на пятерых хозяев. Все пятеро летели на Хлопушке.

Не обошлось без скандала. Скандал устроил самый неожиданный человек – водитель.

Коре пригласил свою группу и водителя к себе в кабинет, на последнее совещание перед полетом. Кабинет был небольшим, содержал только необходимые вещи и самую

необходимую мебель. Была еще картина. Картина была полезным тестом, предложенным психологами. Коре использовал картину вот уже четыре года и за это время множество раз успел убедиться в точности ее предсказаний. Это была не настоящая картина, конечно. Это было стереоизображение картины великого мастера.

Каждый день изображение было разным. К счастью, великие мастера успели написать достаточно много картин за предыдущие столетия.

Картина позволяла разделить всех людей, входящих в кабинет, на две группы: на тех, кто останавливался перед картиной, и на тех, кто ее не замечал. Тех, кто останавливался, Коре определял как «открытых». Открытые всегда имели свое мнение, подчинялись не любому приказу, а только разумному, в безвыходных ситуациях находили неожиданные новые пути. На них можно было полагаться в самых сложных случаях, из них получались хорошие руководители, они реже предавали, а если поднимали бунт, то не от скуки или злобы, а только ради чего-то. Да и бунтовали такие гораздо реже. Открытых было мало. В группе таким был только Гессе, второй человек после самого Коре; еще была женщина по имени Евгения, которая всегда останавливалась перед картиной и даже помнила имена древних художников. Коре надеялся, что Евгения полетит с ними – она была прекрасным пилотом.

Людей, которые не останавливаются перед картиной, он

называл «закрытыми».

Закрытые были все похожи друг на друга: они не были слишком умны, они уважали только силу и сами были грозной силой до тех пор, пока ощущали твердую руку командира; их легко можно было послать на смерть, но в спокойной ситуации они были опасны сами для себя – наученные только сражаться и убивать, они вели себя как скорпионы в банке, уничтожая друг друга. Они просто делали то единственное, что умели делать хорошо.

Новый водитель, его звали Рустик, вошел в кабинет последним и не остановился перед картиной.

– Как вам нравится эта вещь? – Коре специально указал на картину.

– Я не разбираюсь, – ответил Рустик. – Я всего лишь водитель.

Итак, Рустик оказался закрытым. Он был не просто водителем, а самым лучшим водителем, одним из лучших на планете, примерно в конце второй десятки. Он водил любую боевую машину так, что никакой электронный аппарат не мог не только сравниться с ним, но даже немного приблизиться к такому мастерству. Все же человек сложнее любого аппарата. А если этот человек умеет делать свое дело...

– Я не собираюсь никуда лететь, – заявил Рустик.

– Почему?

– Потому что у меня через восемь дней личное первенство и все шансы на третье место. Вы знаете, сколько я по-

лучу за третье место? Мне этого хватит до конца жизни. Я уже выбрал дом, который куплю. Мне уже сорок лет, я хочу отдохнуть. Вы понимаете, что значит такая возможность?

Коре не понимал, он никогда не мечтал об отдыхе.

– Это приказ, а приказы не отменяются, – сказал он.

– Кто отдал такой приказ?

– Орвелл.

– Кто такой этот ваш Орвелл? Я его не знаю и не хочу знать!

– Это командир того корабля, на котором будете лететь вы. Он лучший командир боевых групп. Все его экспедиции удачны (в этом Коре немного преувеличил).

– В ваших экспедициях люди дохнут как мухи. Я не хочу быть одним из них.

– Совершенно верно, в каждой экспедиции гибнет несколько человек. Но эти смерти не напрасны.

– на ваши приказы и экспедиции!

– Если это ваше последнее слово, то я занесу его в протокол. Это называется бунт. Вы знаете, что означает бунт?

– Хорошо, я буду молчать, – согласился Рустик. – Но я буду молчать только до тех пор, пока мне смогут затыкать рот. Потом я найду на вас управу. И на вашего Орвелла в первую очередь.

Он затих и присел у окна.

Все же удобная вещь эта картина, – подумал Коре, – сразу знаешь, как говорить с человеком, чтобы он с тобой согла-

сился. И после этого он начал совещание.

9

Скачок в надпространстве был довольно болезненной процедурой. Все восемнадцать человек экипажа были размещены в специальные полупрозрачные коконы, снижающие перегрузки. На каждом коконе флуоресцировал номер. Орвелл лежал в номере третьем. Рядом была Кристи и, как только Орвелл расслаблялся, прибор цели показывал на нее. Нужно будет подумать об этой рыженькой, если вернемся. Нельзя же вечно жить одному.

Стены Хлопушки были сделаны из материала, который, при соответствующей настройке, был способен пропускать любые длины волн. Сейчас стены были настроены на прозрачность и казались туманными, дымчатыми, дышащими. Сквозь них виднелись далекие холмы. Теплый и ласковый голос машины отсчитывал секунды до скачка. пятьдесят девять секунд...

Орвелл посмотрел под ноги. Там, на расстоянии примерно метров двадцати, темнели три металлических жука – три бронированные машины, для выхода в опасные зоны. Эти машины (почему-то их прозвали «Зонтиками») имели самое современное вооружение и были почти неуязвимы. Почти – потому что они могли расстрелять друг друга, если понадобится.

– Помнишь наш прошлый скачок в Южную Гидру? – спросил Коре.

– Там мы похоронили Кельвина.

И не только Кельвина, который был одним из лучших, а еще множество людей, чьи имена и лица уже погасли в памяти. Впрочем, они знали, на что идут.

– Да, и только потому, что были плохо вооружены. сорок пять секунд...

– Да, Зонтики бы тогда не помешали... сорок секунд до скачка...

– Если это вирус, как ты собираешься возвращаться? – спросил Коре.

– Поговорим об этом потом.

Потом, когда поздно будет говорить. Они оба понимали это.

– Предупреждаю, я не дам себя расстрелять. Я сам расстреляю кого захочу, – предупредил Коре. двадцать секунд...

– Командую пока я, – сказал Орвелл.

Зачем я сказал «пока»? – подумал он. И вдруг совершенно ясно представил, каким будет ответ. Никакая наука неспособна объяснить эти мгновенные озарения.

Сейчас Коре помедлит, будто бы подбирая слова, и скажет: «Согласен, пока командуешь ты». И это будет означать...

– Согласен, пока командуешь ты, – сказал Коре и добавил:

– мои слова ничего не значат, забудь. скачок...

ГЛАВА ВТОРАЯ

БЕШЕННЫЙ ЗОНТИК

10

Сейчас Хлопушка стала совсем прозрачной и Орвелл мог видеть могучие лучистые звезды, заглядывающие со всех сторон. Великая магия звезд – человеку позволено видеть бесконечное – голова всегда слегка дурит после скачка через надпространство, – подумал Орвелл и расслабился. Все в порядке. Слабо светящиеся коконы пока еще не выпускали людей. Слегка кружилась голова и бегали мурашки в кончиках пальцев, после скачка. Хлопушка была желтоватым прозрачным облаком, пронизанным светом звезд. В облаке висели люди и темные мертвые предметы – как мухи, утонувшие в меду.

Голубая планета, очень напоминающая Землю, но одновременно и очень отличная от Земли, плыла справа и снизу. Еще не вполне прийдя в себя, Орвелл задумался о том, почему Бэту так легко отличить от родины, если по всем параметрам две планеты схожи так, что их путает иногда даже электроника (из-за этого были большие проблемы лет сорок назад, когда Бэта только начинала осваиваться). Бэта отличалась от Земли разительно, но неуловимо – неуловимо для

рассудка. Как девушка отличается от женщины; как первое свидание от последнего, даже если сказаны те же самые слова; как оригинал древнего мастера от поздней копии, которая даже превзошла мастера в техническом мастерстве; как свежая газета отличается от уже прочитанной. Да, все дело в аромате свежести, это еще незатертый мир, – подумал Орвелл и переключился на более важные проблемы.

До нее совсем недалеко. Слишком похожа. Хлопушка облетала планету по экватору. Вот она вошла в ночь. Конечно, это не Земля. На Земле, на ночной Земле слишком много огней. Когда обещаешь Землю, то сразу видишь ночные туманные контуры материков – они светятся серым и прекрасно-бесконечным, как сброшенный с неба Млечный Путь – ночная Земля вся покрыта огнями. Некоторые огни очень яркие и видны с расстояния в тысячи километров. Ночная Земля напоминает ночное небо, а здесь – только ночь. Пустота; самая обыкновенная, самая настоящая ночь дикой планеты.

Они сделали еще один оборот и зависли над тем местом, где находились четыре космодрома и город, в котором жило почти все население Бэты. Если еще кто-нибудь остался жив.

Они вышли из своих коконов. Стены корабля уже были настроены на непрозрачность: остались лишь широкие иллюминаторы. В экипаже были три женщины, они перенесли скачок хорошо, точнее, удачно – здесь все зависит только от удачи: останешься ли ты цел или тебя расплющит всплеск

пространства, как сапог расплющивает лягушку. Хуже всего пришлось Морису – скорее всего, у него повреждена грудная клетка. Но Морис парень здоровый, должен выдержать.

– Смотрите, что это? – спросил Гессе.

Он и Евгения стояли у иллюминатора, любясь чем-то внизу.

Еще несколько человек подошли к ним.

– Я ничего не вижу особенного, – сказал Рустик.

В атмосфере планеты плыли облака. На первый взгляд их расположение казалось хаотичным, но потом глаз начинал различать тончайшие и красивейшие построения – нет, это совсем не похоже на Землю. И это совсем не похоже на обычные облака.

Это больше похоже на произведение искусства. Но кто может создавать картины из облаков и, главное, для чего?

– Очень красиво, – сказал Коре, – но это просто каприз атмосферных потоков, ничего больше.

– В таком случае эта планета – женщина, – сказала Евгения, – ведь именно женщины капризны.

Комнаты приобрели довольно уютный и почти земной вид. Искусственная гравитация была настроена на земной уровень. Планета уже занимала почти все пространство в иллюминаторах. Хлопушка садилась автоматически, в заранее рассчитанное место. Еще несколько минут можно отдохнуть. Могучие звезды несколько потускнели. Значит, уже атмосфера.

– Я не видел ни одного огня, – сказал Коре.

– Та сторона планеты не заселена, – ответил Орвелл.

– Я никогда не поверю, чтобы она могла быть с о в с е м не заселена. А здесь, под нами?

– Здесь еще не закончился день.

– Да, но он как раз заканчивается. На Земле было бы уже полно огней, хотя бы рекламных. Что-то мне это не нравится, совсем. Тоска берет.

Он отошел к Морису, возле которого собрались почти все. Над Морисом склонился Дядя Дэн, оказывая помощь.

Дядя Дэн был самым старым в экипаже и самым опытным – ему было пятьдесят два. Он был похож на древнего англичанина, такого, каких рисуют на картинках или показывают в старых фильмах – Дядя Дэн любую вещь держал как стек. Он был чуть лысоват, с совершенно седыми аккуратными усиками, с сеточкой тонких морщин на лице. Его лицо было широким, но не полным – просто широкая кость. Всегда поджатые губы, но не с выражением презрения, а с выражением внимания к собеседнику.

– Ну как оно? – спросил Коре.

– Нормально, – ответил Дядя Дэн. – его только чуть примяло, но все кости целы. Пока пусть лучше лежит.

– Со мной порядок, – сказал Морис. – Хватит бегать вокруг меня как вокруг утопленника.

– Еще небольшое сотрясение мозга, – сказал Дядя Дэн. –

через три дня будет в порядке.

Хлопушка уже мягко стала на грунт; так мягко, что никто даже не ощутил толчка. В иллюминаторах было видно море, еще совсем светлое; а с другой стороны – мертвый город. Сейчас уже не было сомнений, что вечерний город мертв.

– Я попробую выйти, – сказал Коре, – никаких вирусов в атмосфере нет.

Обойдусь без скафандра. Мне всегда говорили, что на Бэте самый чистый воздух. Я хочу его вдохнуть.

11

Свой первый полет Коре совершил двадцать три года назад. То был полет на военном крейсере. Уже тогда определилась карьера: армия, космос, оружие.

Впрочем, карьера начинала определяться раньше: Коре рос в семье профессионального военного. Вначале он собирал игрушечное оружие, затем модели настоящего, затем настоящее. До четырнадцати лет он жил на диких и скалистых берегах западного побережья, где была расположена та база, на которой служил отец – еще с тех времен Коре навсегда полюбил море. Отец был человеком со странностями, любил издеваться над новобранцами и рассказывать об этом дома, обожал политику и считал себя крупным специалистом в этой кровавой области.

Пришло время и политика настигла его – отец исчез, оста-

вив после себя лишь хорошую пенсию и доброе имя. Доброе имя помогло Коре поступить в училище. После окончания он работал в группе по борьбе с космическим терроризмом и даже разработал несколько совершенно новых стратегий захвата. Сейчас он был одним из сильнейших в своей области.

Море было под ногами. Хлопушка стояла на скале, не высоко, но и не низко.

Метров четыреста пятьдесят над уровнем. Дул сильный ветер, но не с моря, а боковой. Ветер не поднимал волну, а только срывал барашки. Ветер был теплым и мягким, чуть-чуть непохожим на земной; Коре это сразу почувствовал.

Пейзаж был прекрасен. Солнце уже почти село, но еще освещало верхушки скал.

На верхушках трава казалась красной, а у моря голубой. К морю можно было бы спуститься, но это бы заняло несколько часов. Спуститься, пожалуй, можно.

Далеко в море выдавался мыс; на краю мыса поднималась гора (метров шестьсот, определил Коре) с лысой верхушкой. От горы отломился кусок и отвесно торчал, будто воткнутый в воду. Еще дальше, почти неразличимая, поднималась по-настоящему высокая горная гряда – там угадывались снежные вершины. В долине лежал мертвый город, прекрасно видимый отсюда, но уже размытый сумерками. Где-то там была опасность. Где-то там таилось то нечто, которое сумело сожрать тысячи счастливых людей и теперь угрожает другим

миллиардам за миллиарды километров отсюда. Прогулку к морю придется отложить. Если ты прибыл, чтобы действовать, то действуй.

Он вернулся на корабль.

– Ну что там?

– Там море, горы и мертвый город. Я думаю, что первую вылазку можно сделать сейчас. Если там враг, то он именно этого не ожидает.

Он говорил и чувствовал, что никакого врага там нет – ТАМ нет. Враг не станет просто сидеть и ждать неизвестно чего среди мертвой пустыни домов. Но он мог оставить свои следы.

– Я могу выделить тебе человек пять, – сказал Орвелл. – А вообще, бери всю свою команду.

– Нет, я возьму только Зонтик. Кто бы там ни сидел, он с Зонтиком не справится. Я буду поддерживать связь. В любом случае вернусь к полуночи.

Он не был уверен, что вернется к полуночи. Долгие годы работы выработали в нем безошибочную реакцию на опасность. Сейчас опасность была сильна; она была везде и нигде, она была просто разлита в воздухе. Но сказать, что вернешься – это добрая примета. В такие вечера как этот хочется быть суеверным.

Зонтик активировали и он обрадовано заурчал, узнав хозяина. Зонтик был почти разумен и сконструирован так, что

мог принимать самостоятельные решения, если обстановка становилась слишком сложной. Коре был не только хозяином, но и отчасти отцом – он разрабатывал несколько систем атаки Зонтика и второй уровень системы обороны. Зонтик умел различать людей не хуже, чем умная собака. Но даже от самой умной собаки можно уйти, а от Зонтика – нельзя. Зонтик умел плавать на поверхности и на любой глубине под водой, летать в воздухе и выходить в космос (почти в космос – в самые верхние слои атмосферы, где небо было уже совершенно ночным и освещенным снизу, а солнце растопыривало лучи как пальцы), он знал все фигуры высшего пилотажа и мог закапываться в землю, даже в каменистый грунт. Он мог пробурить переру в гранитной скале и мог взорвать скалу, если она станет на пути. При всей своей чудовищной силе, Зонтик мог быть нежным – он умел поймать бабочку на лету, не повредив ее крыльев. Он откликался на имя. Имя первого Зонтика было «Первый».

– Первый! – скомандовал Коре. – Дверь. Я вхожу.

Зонтик открыл дверь и осветился изнутри.

Коре встал на ступеньку. Ветер стал сильнее и приходилось щуриться. Коре почувствовал нежность к машине. Если повезет, она спасет ему жизнь сегодня.

– Пока, ребята. Ждите.

И ребята остались ждать.

Он исчез и Первый, не очень спеша, направился в сторону мертвого города.

Зонтик передавал объемную картинку. Вначале он шел прямо к городу, но остановился, встретив на пути ущелье. Такое препятствие он мог запросто перепрыгнуть, но Коре решил иначе. Чуть в стороне была небольшая башенка, похожая на маяк. Зонтик двинулся туда.

Когда видимость стала хуже, Коре включил усиление. Слышимость была прекрасной – было слышно, как шелестит высокая трава, раздвигаемая могучим стальным телом.

– Здесь тропинка, – сказал Коре. – Вот, посмотрите. Она еще не совсем заросла. Она ведет туда, к маяку. Я пожалуй подъеду и проверю, но задерживаться не буду. Маяк рядом с вами, можете сами туда сходить, да?

– Сходим, – сказал Орвелл.

– И возьми ребят из моей команды. Они уже засиделись, правда?

Ребята заулыбались.

Зонтик вышел на удобную дорогу и пошел к городу. Сейчас он показывал лишь однообразную каменистую панораму.

В команде Коре было шесть человек: два близнеца – Бат и Фил, двадцатилетние, но уже с опытом боев; Гессе, тридцати лет, специалист по подрывным устройствам и по всему остальному – умен и с задатками профессиональной ге-

ниальности, умеет находить выход даже там, где выхода нет;

Морис, который временно выбыл из игры; Штрауб – веселый плотный здоровяк; а еще печальный, задумчивый, злой Анжел. Впрочем, в последние месяцы Анжел был весел – не досмеяться бы. Анжел был альбиносом и имел громадные мускулы, которые не влезали ни в одну одежду нормального размера. Такие мускулы невозможно накачать одними упражнениями, тут не помогут даже гормоны. Для таких мускулов ребенка специально рожают.

Информация:

Если девятнадцатый век был веком техники, двадцатый – веком физики и электроники, то двадцать первый – веком биологии и медицины. Двадцать второй еще не определился и пока ничего нового не обещал.

За десять тысяч лет своего существования человечество выдумало просто бездну способов самоубивания, но почти не продвинулось в выращивании пшеницы или скота. Это убийственное соотношение – почти бесконечность к почти нулю – впервые изменилось в конце двадцатого века, когда было выдумано клонирование и когда люди научились выделять и расшифровывать отдельные гены. Этот первый триумф евгеники прошел незамеченным, как само собой разумеющийся. Никто не удивился тому, что человечество наконец нашло способ тиражировать живые организмы так, как оно до сих пор тиражировало газеты и прочую дребедень.

Впрочем, продовольственная проблема была решена.

Уже тогда некоторые заносчивые, себялюбивые и очень богатые господа, отходя в мир иной, предлагали свой генетический материал для тиражирования, мечтая возродиться в тысячах и миллионах собственных копий. Первый опыт по тиражированию человека был произведен в том же несчастливом две тысячи четырнадцатом году. Началось выращивание двухсот двенадцати копий известного ученого. Но, хотя двести двенадцать близнецов выращивались в одинаковых условиях и имели одинаковые имена и лица, они выросли совершенно различными людьми. И ни один из них не проявил исключительных способностей к математике – области, в которой творил их папаша-гений. Гениальность оказалась слишком сложной штукой для тиражирования. Тогда медики взялись за вещи попроще и преуспели.

Первым несомненным успехом евгеники (науки об улучшении человеческой породы) стало избавление от болезней зубов. Был выделен и уничтожен ген, разрушающий человеческие зубы. Как известно, зубы – самая древняя деталь человека, это остаток наружного скелета, отзвук тех дней, когда наши предки были чем-то вроде мягких пауков, закованных в хитиновые панцири. Уже несколько веков человек практически не ел жесткой пищи и необходимость в зубах вроде бы отпала. Зубы стали портиться и выпадать не только

у стариков, но даже у юношей. Милые девушки, улыбающиеся блестящими зубными протезами, стали обыкновенным явлением.

И вот, наконец, наука сказала свое слово: человеческие зубы снова стали прочны и могли вырастать в течение жизни столько раз, сколько нужно. Один нормандец, желая поставить рекорд, выбивал сам себе левый верхний клык двести восемнадцать раз и двести восемнадцать раз клык отрастал. После двести десятинадцатого удара нормандец превратился в полного идиота, из-за частых сотрясений мозга, и прожил остаток жизни в клинике, со связанными руками – он так и не избавился от привычки выбивать собственные зубы. Этот случай вошел во все учебники психиатрии.

Генетическая информация человека довольно быстро была расшифрована, каждый ген собран на конвейере, как автомобиль, и встал вопрос о создании искусственного человека высшей расы. Пока ученые медики обсуждали проект века, оперируя нечеткими моральными понятиями, другие ученые медики уже начали выращивать искусственных уродов для продажи. Уроды выставлялись напоказ и имели большой успех, поначалу. Бизнес процветал и процел настолько, что перерос сам себя. Уродов стало так много, что они больше никого не удивляли. Те из уродов, которые были жизнеспособными и могли размножаться основали Лигу Искривленных Существ и стали размножаться особенно быст-

ро. К концу двадцать первого века искаженным существом была примерно каждая восемнадцатая человеческая особь.

Высокоморальные медики тоже постепенно договорились между собой и стали выращивать высшее существо. Сразу же возникла проблема: представления о высшем существе были у каждого свои. В результате было выведено сразу несколько здоровых и красивых человеческих пород: одни были предназначены для занятий спортом, другие – для долгожительства, третьи имели неограниченную сексуальную потенцию, четвертые были склонны к умственному труду. Возникло несколько каст, презирающих друг друга. Самые сильные, как это обычно и бывает, были самыми тупыми и обожали притеснять самых умных. Пришлось срочно разрабатывать несколько законодательств для каждой касты в отдельности.

Женщины наконец-то избавились от родовых мук, так как детей стали выводить удобные технические устройства. Эмбрион зарождался естественным образом, а затем пересаживался в инкубатор. Возникли два женских движения: Движение за Здоровое Рождение и Движение за Правильное Рождение. Члены этих движений люто ненавидели друг друга и называли друг друга в прессе и по телевидению самыми непотребными словами. Непотребные слова были разрешены одно время, потом их снова запретили. Без запрета их оказалось слишком неинтересно произносить.

Теперь семейная пара могла иметь ровно столько детей, сколько пожелает.

Единственный эмбрион мог быть размножен в любое количество особей, как женского, так и мужского пола. Некоторые обеспеченные семьи имели десятки и даже сотни близнецов (естественно, самых лучших и без наследственных болезней), большинство же семейных пар не имели детей вообще. Бездетные партнеры часто расходились и сходились снова. Слово «любовь» почти вышло из обихода и употреблялось в основном в сентиментальных кинороманах. Влюблялись в обычно лишь дети, это было интересно, но не привлекало. Если влюблялись взрослые – все окружающее имели идеальное развлечение. Даже половая любовь стала терять популярность, так как были изобретены более совершенные методы наслаждения.

Все эти положительные достижения прогресса оттенялись некоторыми скромными негативными тенденциями. Во-первых, рождение человека теперь не требовало от женщины ни малейших усилий, а тем более мук, поэтому женщины (да и мужчины) стали относиться к своим детям без особенной привязанности. Если ребенок погибал – из-за болезни или из-за несчастного случая – отец с матерью обычно не огорчались, а делали нового ребенка. Ведь это же так просто и даже приятно.

Постепенно человеческая жизнь настолько утратила ценность, что перестала цениться не только репрессивными

структурами, но и самими хозяевами жизнью.

Резко возросло количество самоубийств. Большинство людей предпочитали уходить из жизни добровольно. И не из-за боли, страха или обиды, а от скуки, испытав все прелести и изъяны жизни.

Дети очень редко были похожи на своих родителей – недостатки родителей подправлялись и заменялись жалаемыми достоинствами. Но на рубеже веков возникла мода на все естественное и примерно две трети детей рождались если и в инкубаторах, но без особых чудачеств. Анжел был еще до зачатия задуман очень мускулистым альбиносом. Таким он и был рожден.

До маяка было около трех километров. Зонтик подошел к сооружению, обошел его со всех сторон, даже облетел, на всякий случай, и заглянул в окна. Живых существ в здании не было. Воздух был чист и не заразен. И ничего опасного в радиусе нескольких километров.

Орвелл собрал группу. Бат, Фил и Гессе вооружились, а Штрауб и Анжел не взяли с собой ничего – им нравилось драться голыми руками. Орвелл имел прибор опасности и пистолет. Трава была выше колен. На самых длинных стеблях сидели большие зеленые кузнечики и совершенно не боялись людей. Они уже перестали стрекотать и готовились к ночи, сворачивая крылышки. Стебли сгибались под их тяже-

стью и напоминали тугие колосья. Закат разгорался как пожар. На фоне алого неба здание выглядело черной шпилькой с просветом на верхнем этаже.

– Это действительно похоже на маяк, – сказал Гессе. – Я видел настоящие старые маяки в Средиземном море. Зачем его построили здесь?

– Они были странными людьми и любили развлекаться, – ответил Орвелл, – могли построить его для развлечения.

– Подойдем – увидим, – сказал Анжел и раздавил кузнечика в кулаке. – Надо же, а ведь кусается, тварь!

Орвелл посмотрел на прибор опасности: сейчас, когда они приблизились к маяку, прибор указывал точно на это здание, но стрелка вибрировала – так, будто опасность ждала в каждом уголке каждой пыльной комнаты. Они подошли к наружной двери.

Дверь была деревянной и Анжел высадил ее плечом. Винтовая лестница вела вверх.

– Сюда, – сказал Орвелл и посмотрел на запястье.

На втором этаже он указал на дверь.

Анжел хотел высадить и эту, но дверь была не заперта. Обычная деревянная дверь на обычных стальных петлях. Дверь скрипнула и открылась.

Внутри был беспорядок и много пыли. Окно было выбито. На полу грудой валялись разбитые приборы вперемешку с разбитыми магнитными дисками.

– Их уничтожали специально, – сказал Гессе.

Он подошел и выбрал из груды что-то более-менее сохранившееся.

– Их уничтожали в спешке, – продолжил он. – Ага, а вот этот еще можно включить...

Браслет на руке Орвелла щелкнул. Рука выхватила пистолет и, не целясь, трижды выстрелила. Аппарат взорвался осколками в руках у Гессе.

– Это был обыкновенный диктофон, – сказал Гессе спокойно. – Не обязательно было меня пугать.

Испугаешь тебя, как же.

Они обошли еще четыре этажа маяка и уничтожили все устройства, которые могли хранить информацию.

– Эй, шеф, – сказал Анжел, – я думаю, что не стоило этого делать. Как же мы узнаем, что здесь случилось, если взорвем все данные?

– Ты помнишь комету Швассмана?

– Легенда.

– Эта легенда не врезалась в Землю только потому, что кто-то уничтожил все данные. Понятно?

– Нет.

– Я приказываю уничтожать все обнаруженные носители информации.

– А вот это понятно! – сказал Анжел и ударил кулаком в перегородку, на которой было нацарапано матерное слово. Носитель информации проломился.

Первыми вошли Бат и Фил. Эта комната была последней на четвертом этаже. Она была совершенно пуста, если не считать встроенного в стену большого холодильника. Такие холодильники вышли на Земле из моды лет двадцать назад.

– Открыть? – спросил Бат и приподнял винтовку.

Стрелка на приборе опасности остыла.

– Открывай.

И Бат открыл дверь.

Солнце уже ушло за горизонт и, хотя небо все еще светилось, в комнате было темно. На первый взгляд холодильник был заполнен льдом. Бат провел пальцами по шероховатой поверхности и на пальцах осталась влага.

– Только лед.

– Включи освещение.

– Свет! – приказал Бат и холодильная камера осветилась изнутри. В глыбу льда был вморожен человек. Он был абсолютно гол и проколот в нескольких местах, несмертельно. В выпученных глазах застыл ужас.

– Что это? – спросил Орвелл.

– Это кровь.

– А вижу, что кровь. Что у него во рту?

Анжел подошел и внимательно взгляделся.

– Все нормально, шеф, – сказал он, – перед тем, как убить, этому парню отрезали язык. Когда отрезают язык, всегда много крови.

Штрауба стошнило и он отвернулся к стене, чтобы пере-

ждать приступ.

Закат стал фиолетовым, море совсем почернело. В углах собралась тень.

Комната была освещена только ядовито-голубым светом холодильной камеры. Все вдруг замолчали, прислушиваясь.

– Что это?

По лестнице поднимались шаги. Это были шаги человека.

Анжел сделал шаг вперед и развернул плечи. Комбинезон лопнул на спине, не выдержав напора мышц. Анжел любил театральные эффекты.

– Шеф, позволь, я его встречу первый?

И, не ожидая позволения, он вышел в пролом.

13

Зонтик шел по дороге к городу. Точнее, летел над самой дорогой – дорога была каменистой с частыми выбоинами. Она поворачивала и мертвый город разворачивался, приближаясь.

Зонтик медленно вошел в первую улицу. Улица довольно круто шла вниз, внизу виднелась темная площадь. Зонтик двигался, цепляя боками дома – здесь было слишком узко. Но, в крайнем случае, можно взлететь.

Коре заметил переулок и выругался. В переулке лежали два сцепившееся скелета, похожие на человеческие. Переулок был слишком узок для Зонтика.

Он передал запрос на корабль.

– Наши еще не вернулись?

– Нет пока.

– Тогда я принимаю решение самостоятельно. Я выхожу.

– Попробуй зайти сверху.

– Сверху я развалю эти трухлявые крыши. Я хочу взять целые кости, а не откапывать их из-под камней.

Он остановил Зонтик и вышел.

– Свет туда! – приказал он и показал рукой направление.

Зонтик осветил переулок. Площадь внизу стала совсем черной. Коре снова выругался, чтобы прогнать страх. Он почувствовал легкую тошноту и боль в затылке. Это еще что?

Скелеты были не совсем человеческими, это Коре определил сразу. Слишком длинные ноги и стопы отогнуты назад. Руки? Руки вроде бы нормальны, даже маловаты. Некоторые косточки высыпались. Грудная клетка обычна, таз увеличен.

Череп? – огромные глазницы, сильно скошен назад и вытянут, сверху небольшой гребень. Должен быть прочен и наверняка по объему больше человеческого. Но самое страшное – челюсти.

Особенно мощной была нижняя челюсть, она выдавалась вперед. Голова одного существа была зажата в пасти второго, череп треснул. Эта тварь имела челюсти как у льва. Коре осмотрелся, но ничего не увидел. Со всех сторон стояли ослепшие дома и смотрели мертвыми черными окнами.

На небе уже очертились созвездия, непохожие на земные. За домами росли обыкновенные пирамидальные тополя и сгибались под ветром, касаясь верхушками друг друга. Тополя шумели. Если кто-то захочет подобраться неслышно, это будет просто сделать.

– Первый! – скомандовал Коре, – Выключить свет и следить!

Зонтик выключил свет и взгляд стал медленно вдавливаясь в темноту. Еще минут десять и глаза станут видеть хорошо. Не нужно было включать прожектор – фонарик удобнее. Сейчас Зонтик следил за любыми передвижениями поблизости и делал это гораздо лучше собаки. Коре мог быть спокоен – мог, но не получалось.

Он попробовал расцепить скелеты, но не сумел. Зубы одного слишком прочно вошли в кости другого. Он дернул и оторвал лопатку. Снова выругался и почувствовал тошноту. Пришлось закрыть глаза и переждать приступ.

Со мной непорядок, – думал Коре, сидя с закрытыми глазами (он ощущал как плывет все вокруг), но это не может быть вирус, Зонтик бы меня предупредил.

Тогда что это?

Он открыл глаза и увидел, что небо стало сиреневым. Звезды расцвели как хризантемы. Все вокруг волновалось, колыхалось, искрилось. Там и здесь вспыхивали фейерверки алых точек. Это было прекрасно. Коре оторвал длинную бедренную кость (поставленная вертикально, кость достава-

ла до груди) и начал крушить ею скелеты. Закончив, он пошел вглубь переулка, выбивая те окна, которые были целы. Зонтик включил сирену – он тосковал без хозяина.

– И не проси, – сказал Коре, шатаясь (пьян я, что ли?), – мне здесь нравится! Это райская планета!

Он упал, встал на колени, попробовал подняться и снова упал.

Зонтик выключил сирену.

Все это время Зонтик передавал информацию на корабль. На корабле оставался Икемура, три женщины, дядя Дэн и Морт. Еще был Морис, которому дали снотворное, и два биоробота, пока не активированных.

Морт был невысоким блондином с короткой стрижкой, с полными яркими губами, как у женщины, с короткими руками и большой головой – он неумовимо напоминал увеличенного карлика. Он сам знал об этом и стеснялся – не выдерживал пристальных взглядов. Но в деле он часто бывал слишком смел, даже до глупости.

– Его надо спасать, – сказал Морт. – Я могу взять второй Зонтик.

– От чего спасать? – спросил Икемура чуть презрительно. Сейчас главным был он.

– С ним несчастье.

– С ним не несчастье, а болезнь. Это вирус. Так, Дядя Дэн? Дядя Дэн молча кивнул.

– Но ведь в анализах воздуха и грунта вирусов не было?

– Может быть, это энергетический вирус? – спросила Кристи.

– Об этом мы бы знали тоже.

– Тогда я ничего не понимаю.

– Это вирус Швассмана. Наши анализаторы его не берут – он слишком непохож на обыкновенные вирусы.

Они смотрели на фигуру удаляющегося Коре. Коре упал, встал на колени, попробовал подняться и снова упал. Стало тихо: Зонтик выключил сирену. Что будет дальше: Коре превратится в кузнечика или отрежет себе язык?

– Но, – сказала Кристи, – тогда все остальные? Что тогда со всеми остальными?

– Ничего, – ответил Икемура. – Ты видела такую штуку у командира на руке? Я не совсем точно знаю, что это, но оно посильнее наших анализаторов. Они вернутся, обязательно.

Картинка сместилась: Зонтик взлетел и осматривал город. Ничего интересного, обыкновенная безглазая ночь. Ни одной живой души.

– Он сам его спасет, – сказал Икемура, – вот смотрите.

Зонтик плюхнулся на крыши и на минуту картинка потемнела от пыли. Раздался скрежет – Зонтик полз по перелуку, перемалывая боками дома.

– Подожди! – скомандовал Икемура.

Зонтик остановился и осветил два сцепленных скелета

странной формы.

– Возьми с собой!

Зонтик подобрал скелеты и двинулся дальше. Коре отступал, закрываясь от света руками. Он несколько раз выстрелил по Зонтику из пистолета. Специалист по оружию никогда бы не сделал такой глупости – это все равно что пытаться убить слона из рогатки.

– Плохо, – сказал Дядя Дэн. – Но зато мы наблюдаем развитие болезни. Сейчас Зонтик его возьмет.

Коре остановился. Он стоял, чуть пошатываясь, опираясь о кость.

– Увеличить изображение!

Зонтик увеличил.

– Его глаза!

Зонтик показал глаза крупным планом. В глазах не осталось ни капли разума.

– Серенады, сказал Коре, – если будем бить червяков, то в небесах не нужно играть серенады. Не нужно! Я сказал не нужно!

Его лицо перекошилось от ярости. Задергалась мышца над верхней губой слева. Ноздри расширились.

– Коре, ты меня слышишь?

– Всемирная история пьянства рисует доску на мольберте, но дети нашли под знаком дряни – замечу, что я противник...

– Ты меня слышишь?

– Да-а-а-а...

– Ты заболел.

– Я сам вижу, вижу, вижу, вижу-жу-жу-жу...

– Держись, не выпадай из сознания!

– Я сейчас тебе выпаду! – он снова выругался и вошел в Зонтик.

Зонтик сразу начал передавать информацию о работе организма: пульс сорок, давление в норме, на эцефалограмме импульсы необычной формы; отмечается медленный рост костей; разрушения органов нет, повышенная секреция желудочного сока...

Передача оборвалась. Что значит «медленный рост костей»?

14

Группа вышла из маяка. Анжел шел сзади. Его разорванный комбинезон был весь в паутине и в пятнах побелки. Все, что Анжел поймал – это несколько синяков и ссадин. Не стоило куражиться, болван! – обругал он сам себя.

– Я бы его поймал, шеф.

– Остановиться! – скомандовал Орвелл.

Прибор опасности вспыхнул в темноте. Стрелка показывала в небо и медленно поворачивалась. Кто-то летит сюда. Хорошо, что уже темно, может быть оно не заметит нас. А если оно именно нас ищет?

– Я бы точно его взял, – повторил Анжел как заклинание

и тряхнул волосами.

Его длинные волосы были такими белыми, что, казалось, даже светятся в темноте.

Зато в электрическом свете они казались седыми.

– Вернуться в здание!

Они вернулись и сели на ступеньках. Кто-то вверху снова стал ходить, будто специально, будто назло.

Орвелл связался с кораблем.

– Что у вас? – спросил он.

Связь немного барахлила, накладывался слабый треск. Наверное, где-то поблизости гроза, – подумал Орвелл. – Что может быть лучше летней грозы?

– У нас порядок. Но только плохо с Коре. Прервалась связь.

– С Зонтиком?

– Да. Похоже, что он сам ее отключил.

– Вольному воля. Мы здесь нашли замороженное тело. Это мужчина седного роста примерно сорока пяти лет. У него отрезан язык. Слишком напоминает легенду, как тебе это? Мы пробовали его выковырять, но он намертво вморожен в глыбу льда. Выключили холодильник. Когда он оттает, можно будет вернуться и взять пробы. Обязательно нужно. Потом слышали шаги, кто-то ходил по зданию. Ангел пробовал его поймать, но никого не нашел. Шаги человеческие.

Человек-невидимка. Невидимки тебе не попадались?

– Вы возвращаетесь?

– Немного погода. Снаружи опасно.

– Это тебе кто нашептал? – спросил Икемура.

– У меня предчувствие.

– Хорошо, будем считать, что я поверил. Вольному воля.

У вас больше ничего?

– Ничего. Конец связи.

Они неподвижно сидели на ступеньках, глядя на черные контуры гор и на чистые звезды, повисшие над морем. А здешние звезды похожи на хризантемы, – вдруг подумал Орвелл и удивился столь нелепой мысли.

– Чего мы ждем? – спросил Гессе.

– Не знаю. Сиди и слушай.

Прибор опасности щелкнул.

– Что это щелкнуло?

– Всем в укрытие, лечь на пол и не шевелиться! – тихо приказал Орвелл.

Он отступил на несколько ступенек назад и вверх. Тело двигалось послушно и было сильным и гибким, как пружина. Оно вон там, среди звезд.

Зонтик медленно летел среди звезд. Внизу было море, оно угадывалось по редким взблескам волн. Прибой стал сильнее – ветер поменял направление. Сбоку показались несколько облаков; Зонтик метнулся и протаранил их лбом, играясь. На краю скалы был неживой маяк. Зонтик всмотрелся, но никого не увидел. У горизонта клубилась гроза.

Гроза еще не видна с поверхности, но отсюда, с высоты четырех километров, ясно различимы башни грозовых туч. Это интересно. Зонтик метнулся в сторону грозы и через несколько секунд погрузился в облако. Несколько мелких молний ударили в обшивку. Приятно, похоже на щекотку. Что это там? Там смерч, похожий на живой шланг, красиво. Зонтик облетел смерч и вошел в него.

Исполинские потоки воздуха раскрутили и выплюнули металлическую каплю. Зонтик расстрелял смерч и полетел обратно.

У самых гор он нырнул вниз, царапнул грудью по камням и снова взлетел, кувыркаясь. Потом прицелился в маяк и снес два верхних этажа. Потом поднялся в стратосферу и прыгнул вниз, охваченный пламенем, как болид. Плюхнулся в море и ушел на глубину. Здесь шельф круто обрывался и отвесно уходил вниз. Глубина несколько километров. Страшновато. Зонтик решил не идти на дно и погнался за крупной рыбой, похожей на земную акулу. Рыба испугалась и стала резво удирать – ага, сейчас я тебя! В нем просыпался инстинкт охоты.

Орвелл заметил темное пятно среди звезд. Пятно дернулось и протаранило облако. Как он выдерживает такое ускорение? – подумал Орвелл. Зонтик вышел из облака, перевернулся на спину и поплыл, с видом беззаботного купальщика, в сторону открытого моря. Исчез.

– Гессе, сюда, – скомандовал Орвелл. – Следи за тем участком неба. Да не глазами, а в бинокль.

– Ничего.

– Это сейчас ничего, а через минуту он появится. Ляг и спрячься за дверью.

Не двигаться и не говорить, чтобы не произошло. Передай приказ.

Зонтик появился снова. Он двигался молниеносно: коснулся грунта, взлетел, вращаясь и переворачиваясь, выделяя самые невероятные фигуры (а вот так еще никто не летал, – подумал Орвелл, – слишком большая перегрузка). Потом взмыл вертикально, приостановился и пальнул по маяку. Сверху посыпались камни. Большой обломок упал прямо перед дверью. Примерно тонна оплавленного известняка.

– Ничего себе! – сказал Гессе и осекся, вспомнив приказ.

Еще минуту ничего не было. Затем небо разрезал прекрасный оранжевый болид – он упал в море, с грохотом, с пеной, с волнами... Исчез.

Прибор опасности щелкнул и отключился.

– Жертвы и повреждения есть? – спросил Орвелл.

– Нет.

– С какой перегрузкой он летел?

Гессе включил подсветку и посмотрел на шкалу.

– Сто сорок два.

– Такого не бывает.

– Сто сорок два g.

– Тогда от него осталась только красная лужа. Человек не выдерживает больше патнадцати.

– Я держал шестнадцать с половиной, – отозвался Анжел, – и целых четыре секунды.

И они побежали к кораблю.

15

Теперь уже не было сомнения в том, что Коре погиб. Не было ясно лишь как он погиб, но в самом факте сомнения не было. Ни один человек не выдерживает перегрузки больше пятнадцати g (если не считать Анжела с его шестнадцатью с хвастливой половиной), при тридцати g лопаются кости, при пятидесяти – перегрузка размазывает человека по полу как нож размазывает мягкое масло по хлебу. А здесь сто сорок два.

– А здесь сто сорок два, – сказал Орвелл.

– И что это значит?

– Это значит, что первый Зонтик взбесился. Он не способен выделять такие выкрутасы без пилота. Что-то случилось с его системами. Он носится вокруг, как взбесившийся бульдозер. Теперь мы точно знаем, что это вирус Швассмана.

Во-первых, оживает техника; во-вторых, человек с отрезанным языком; в-третьих скелеты, похожие на человеческие, но с огромными ногами, не нравятся мне эти кузнечики...

– Зонтик успел передать, что Коре начал расти, – вставил Икемура.

– Тем более. А в четвертых, опасность информации. Есть информация, которая опасна.

– Какая?

– Не знаю. А если бы знал, меня бы уже не было на этом свете. Как вам ситуация – тебя возможно убьет неизвестное, но став известным, оно убьет тебя наверняка.

Все замолчали.

– Коре что-то успел узнать, – сказал Морис.

Сейчас Морис уже сидел в кресле, ему стало лучше.

– Ну тогда нужно хотя бы поставить экран, – предложила Кристи. – Стены у нас крепкие, но если Зонтик взбесился...

Экран поставили. Энегретическая завеса пропускала вещество только разделенным на молекулы. Снаружи сейчас запахло озоном, – подумал Орвелл.

Он любил этот запах – запах земных гроз. Зонтик сквозь экран не пройдет. Если он начнет стрелять, то экран не пропустит снаряды. Если он использует ядовитый газ, то придется выходить в скафандрах. Если он попробует подкопаться снизу можно будет включить двигатели и отпугнуть. Если он не испугается, придется взлетать и висеть на стационарной орбите. Туда он не достанет, будет лишь постреливать издалека. Но на орбите Хлопушка бесполезна. С таким же успехом она могла бы висеть на орбите вокруг Земли.

– А когда мы будем взлетать, – спросила Кристи, – нам

ведь придется убрать экран, что тогда?

– Мы не будем взлетать, – ответил Орвелл, – у нас есть еще два Зонтика и они пока подчиняются приказам. Я объявляю траур на корабле. Сегодня и завтра.

Они услышали удар и скала под кораблем задрожала.

– А вот и Зонтик, – сказал Анжел.

В иллюминаторах мерцали первые молнии, пока немые.

Зонтик шел на глубине километра, параллельно обрезаю шельфа. Глубина все возрастала. Возможно, здешние океаны глубже земных. Восемь километров, девять, двенадцать. Что это?

В глубине впадины что-то шевелилось. Целые сонмы существ, каждое из которых вдесятеро больше Хлопушки. Зонтик опустился еще чуть-чуть и пальнул, на всякий случай. Мгновенно ответила дюжина торпедных установок; несколько торпед попали и взорвались, поцарапав обшивку – так попадают несколько мелких камешков, когда их швыряют горстью. Зонтик стал стрелять снова. Когда вода вокруг закипела, он вильнул и стремительно ушел, оставляя за собой бурлящий след.

Он всплыл и лег на поверхность. Гроза придвинулась совсем близко. Хлопушка стояла на скале и светила окнами в ночь. Что они себе думают? Что они могут просто так спокойно стоять, забыв обо мне? Кто здесь хозяин, в самом деле?

Зонтик выстрелил по кораблю, но снаряд лопнул на защитном экране, как мыльный пузырь – красиво и беззвучно. Еще несколько снарядов и тот же результат. Ну хорошо, я вам все-таки покажу, – подумал Зонтик. Он стал стрелять по скале, на которой прочно стояла Хлопушка.

Хлопушка молчала. Зонтик включил связь.

– Это Коре?

– Это я, – сказал Зонтик. – Нет никакого Коре. Приказываю сдаться без всяких условий.

Он еще раз выстрелил по скале, для подтверждения своих слов. В скале образовалась трещина. Несколько таких выстрелов – и Хлопушка свалится в море.

– Мы не ведем переговоров с техническими устройствами, – ответили в корабля.

– А я тебе башку снесу, – сказал Зонтик и выругался.

Это было в духе его бывшего хозяина.

– Приказываю вернуться и стать в ангар! – наивно передала Хлопушка.

– Ты мне поговори еще! Я сейчас продолбаю камень и утоплю тебя. А взлететь у тебя не выйдет.

– Да, никак не выйдет, – сказал Икемура, – мы же не можем снять экран.

– А что он нам сделает?

– Для начала сбросит в море.

– Ну и что? Мы же не утонем. Наша жестянка и не такое

выдержит.

– Если жестянка падает с высоты в пятьсот метров, то все, кто был внутри жестянки, разбиваются, разве не так?

Все заполчали. За окном трепыхались синие молнии.

– Тогда есть один выход, – сказал Икемура, – абсолютное оружие, реликтовый меч.

Он снова стал передавать.

– Вы там, ублюдки! – возмущался Зонтик, – че замолчали? Я буду стрелять каждую минуту!

– Тогда мы используем реликтовый меч, – передал Икемура. – После первого же твоего выстрела в сторону корабля.

Зонтик отвернулся и выпустил в небо огненный веер ракет. Реликтовый меч – это серьезно. Но я все равно их достану. Он взлетел в тучи и начал кружиться волчком. Потом прыгнул на город и закопался в руинах десятка высоких зданий.

Были высокими – а теперь их нет. Кто так строит дома – из одного стекла и стали? – даже ломать неинтересно.

Он выполз из камней и въехал в парк, приминая деревья. Похоже, что Хлопушка так просто не подчинится. Придется подождать. Придется пожить немного здесь.

Этот парк – подходящее место. Здесь тихо и темно. А это что такое?

Он притаился и стал смотреть.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

РЕЛИКТОВЫЙ МЕЧ

16

Гроза так и не разродилась дождем. Она прошла вдоль берега, ушла в сторону высоких гор и там уснула. Облака застряли где-то у снежных вершин и были видны до сих пор. Несмотря на объявленный траур, настроение было светлым – так, будто все страшное уже перестало существовать, не могло сосуществовать с плотным сиянием этого солнечного утра.

С утра прибор опасности показывал ноль, бешеного Зонтика нигде поблизости не было. Орвелл решил пройтись к берегу, берег был невидим за скалами и казался близким. Он вышел, отошел в сторону невысокого леса. Здешние деревья были похожи на маленькие скрюченные сосны. Каждая веточка была изогнута на конце так, будто дерево собиралось выпустить когти. Кора облазила со стволов широкими полупрозрачными лоскутами. Пахло смолой и травами. Он стоял между редкими деревьями и смотрел, как Хлопушка сняла экран (она действительно хлопнула при этом, чтобы оправдать свое имя) поднялась, и перелетела в более безопасное место. Недалеко, но дальше от берега. Скала действительно

очень попорчена, Зонтик уж постарался.

Все будет в порядке, – подумал он, – все будет в полном порядке. Если не учитывать того, что уже было.

Он сел на траву. Здесь слишком хорошо. Действительно, планета напоминает обретенный рай.

Из корабля кто-то вышел. Женская фигурка. На Хлопушке было три женщины:

Евгения, Джулия и Кристи. Двое из них имели свое собственное, очень важное и очень различное, отношение к медицине. Но это не означало, что они умели лечить – лечением занимался Дядя Дэн. Евгения была невысокая, плотная, веселая.

Веселая «про себя», а не для всех. Она стриглась налысо и любила спать в стереошлеме. Она любила абстрактную музыку и спорт – дважды выигрывала кубок по полетам на одноместных боевых челноках. Как пилот тоже могла быть незаменима.

Евгения была русской. В ней чувствовалась загадка и чувствовалось, рано или поздно эта загадка разрешится самым неожиданным образом.

Джулия была высокой, длинноволосой, с темно-кариими глазами, томностью в движениях и элегантностью в обращении с мужчинами. И с повадками экзотической звезды – никогда не понимаешь до конца с кем имеешь дело, но знаешь, что со звездой. Кто-то говорил, что она очень жестока. Орвелл пока не замечал этого.

И конечно, Кристи – Кристи была просто сама собой: нечто быстрое и в веснушках.

Судя по походке, это была Кристи. Нет, не по походке – Орвелл определил это по легкому звонкому чувству, вздрогнувшему в груди. Так в детстве ждешь от праздника чуда. Странно. Этого не бывало с ним давно. Даже тогда, когда он еще почти мальчиком встречался со своей будущей женой – с той, которая устроила уютный кошмар из следующих трех лет его жизни.

Кристи шла в его сторону.

– Эй! – крикнула она и махнула рукой.

В руке, кажется был цветной платочек. Зачем женщинам платочки?

– Что?

– Я с вами.

– Зачем?

– Да просто так. Хочется погулять.

У нее голубые глаза и воздушные соломенные волосы, под цвет веснушкам.

Веснушек, пожалуй, слишком много.

– Вы куда?

– Я собираюсь спуститься к морю.

– О, да это совсем близко, – сказала Кристи.

И просто бездна интонаций в ее голосе, и все неожиданы: полумолчание, естественность и неестественность, все гра-

дации утверждения, вопроса, восторга, грусти. Почему я не замечал этого до сих пор?

– Нет, это только кажется близко. Ты никогда не была в горах раньше?

– Нет, никогда.

– Когда ты стоишь на горе, то кажется, что долина близко. Но на самом деле это очень и очень тяжелый путь. (Он показался себе совсем старым, когда произносил это «очень и очень» – не такой уж и тяжелый.) Быстрее чем за два часа мы не доберемся. Не спустимся.

– Ну и что? – сказала Кристи. – я могу погулять и два часа. Ведь сегодня не опасно, правда?

Орвелл снова посмотрел на прибор. Прибор показывал ноль. Впервые за все это время прибор показывал ноль. Даже на земле такого не было. Следовало бы удивиться, – краем сознания подумал Орвелл и не удивился. Просто все хорошо складывается. Просто такой хороший день.

– Да, сегодня совершенно безопасно.

Они стали спускаться. По дороге они встретили несколько зверюшек, выпрыгнувших из-под камней. Зверюшки были похожи на зайцев. Трава стала реже, она пробивалась только между камней. А камни становились все больше и больше – отколовшиеся обломки скал. Их приходилось обходить, пугаясь ногами в колючках.

В скале были промыты ущелья; ущелья заросли кустарником; кустарник был совершенно сухим; в стенах ущелий бы-

ли пещеры; зверюшки, похожие на зайцев, прятались там.

Они дошли уже середины спуска. Кристи поскользнулась на камне и схватила Орвелла за плечо. Он поддержал ее, потом прижал и поцеловал. Кристи не удивилась.

– Почему твоя стрелочка все время показывает на меня? – спросила Кристи. с женской непосредственностью переходя на «ТЫ».

Орвелл посмотрел на прибор цели.

– Ты это заметила еще на Земле?

– Точно.

– Этот прибор показывает на то, что мне больше всего нужно, – ответил Орвелл.

Кристи приняла это как комплимент. Он еще раз поцеловал ее в губы. Дальше они пошли обнявшись.

– А что означает вторая стрелка? – спросила Кристи немного погодя.

Он снова поцеловал ее в губы и только после этого объяснил:

– Это прибор опасности. Если стрелка красная, значит, опасность близка.

– А если так, как сейчас?

– Сейчас опасность равна нулю.

– А вдруг у этой штуки сядут батарейки? Она же на батарейках, правильно?

До Хлопушки был целый час спуска и, следовательно, не

меньше полутора часов подъема. Прибор опасности все так же показывал ноль. Прибор перестал работать.

Перестал еще несколько часов назад. — У этой штуки сели батарейки.

— Ну не замерзай, поцелуй еще раз, — сказала Кристи.

17

Бат и Икемура спустились в оружейный отсек. Даже если не учитывать реликтовый меч и два оставшиеся Зонтика, оружия здесь было достаточно, чтобы взорвать небольшую планетку, с Луну, примерно, величиной. Меч хранился в специальной капсуле, которая открывалась в ответ на прикосновение. В ответ на прикосновение одного из четырех человек: Орвелла, Икемуры, Бата и Гессе. Еще вчера в эту компанию входил и Коре.

Перед тем, как получить доступ к мечу, человек проходил тяжелый двухгодичный тренинг. Причем не каждый этот тренинг выдерживал. Так в свое время не выдержал Фил, близнец Бата. Меч был слишком опасной штукой, чтобы давать его плохо подготовленному человеку.

Меч нужно было держать в кулаке, регулируя большим пальцем выброс нити.

Направление нити регулировалось движением той точки, в которой пересесались оси глаз. В автоматическом режиме меч, взятый в руку, рассекал пространство и вещество, пол-

ностью повторяя движение взгляда. Искусство владения мечом заключалось во овладении произвольными движениями глаз. Известно, что даже если человек смотрит в одну точку, его глаза постоянно движутся. Неподвижный глаз просто теряет чувствительность. При взгляде на предмет, глаз мгновенно ощупывает его, проходя по очень сложной ломаной линии. Взгляд движется скачками, которые неподконтрольны сознанию. Поэтому обычный человек, взявший меч, в долю секунды изрезал бы на мелкие клочки любой увиденный предмет или пейзаж; эти клочки бы вдавились один в другой, образуя кошмарное месиво. А если такой человек взглянет под ноги, он просто разрежет горную породу под собой и провалится в магму, под оглушительные аплодисменты землетрясения.

Сейчас меч был рядом и каждый из них мог просто протянуть руку и взять абсолютное оружие.

– Я чего-то не понимаю, – сказал Бат, – вот вчера, во время связи...

– Что вчера?

– Вчера мы говорили с Зонтиком. И, как только ты упомянул реликтовый меч Зонтик сразу убрался. Он испугался.

– Ну и что? Я бы тоже испугался на его месте.

– Но Зонтик не мог знать о мече. Это секретная информация, а его память заблокирована.

– Согласен, это еще одна загадка вчерашнего дня. Если бы мне было нечего делать, я бы насчитал еще десять.

– Я думаю вот что, – продолжал Бат, – мне не верится, что Коре так просто пропал. Этот Зонтик, он вел себя точно так же, как вел бы себя сам Коре. Он даже ругался так же. Даже интонации был теми же. Я понимаю, что перегрузка есть перегрузка, но все же...

– Если Коре жив, – сказал Икемура, – то ты можешь это проверить. Ты же из его команды. Ты должен помнить что-нибудь такое, что знаете только вы вдвоем.

– Я подумаю, – сказал Бат, – я уже придумал: однажды... Нет, я скажу это только ему. Это должно быть тайной. Я напомним ему такую вещь, от которой настоящий Коре взбесился бы.

– Вот и хорошо, – сказал Икемура, – если Зонтик взбесится и сегодня, значит Коре жив. Лучше попробовать прямо сейчас. Разозли его посильнее.

– А командир? Если Зонтик действительно кинется на нас?

– Командир сейчас развлекается с девочкой на морском берегу. Там желтый песочек, там белый прибой с брызгами солнца, а трусики в горошек сброшены так небрежно, что потом придется их хорошо искать. Насчет горошка это я для большей поэтичности. И не беспокойся за него. У него есть такая штука, которая спасает от любой опасности. Правда нам он эту штуку не дает, жадничает.

– А это точно?

– Это точно.

Бат ушел.

Икемура подождал немного, потом прошел один пролет по лестнице вверх и убедился, что никого нет. Вернулся в оружейный отсек. Положил руку на капсулу с реликтовым мечом. Зачем-то громко застучало сердце.

– Вы уверены, что хотите взять меч? – прозвенел мелодичный, но чуть неестественный женский голос.

В серьезных случаях машина всегда переспрашивала по несколько раз.

– Да.

– Если вы уверены, то скажите об этом снова.

– Да.

– Пожалуйста, еще раз.

– Да. – На этот раз он помедлил: не всякому дано без колебаний сжигать мосты.

– Пожалуйста, вы можете взять реликтовый меч. Должна ли я запомнить вашу личность? – поинтересовалась механическая дама.

– Нет.

Он взял меч – маленький, удобно помещающийся в ладони – и капсула закрылась. Никто ничего не видел. Никто и ничего.

Бат вызывал Зонтик.

На первый вызов Зонтик не ответил, а на второй выругался. Бат улыбнулся: да, это точно шеф.

Евгения возилась, выстраивая какую-то схему на экране. Не страшно, пусть послушает. Она не дура, даже может подсказать хорошую идею иногда. Славяне, говорят, все умные, от того и живут плохо.

– Алло, шеф?

– Кто говорит?

– Это Бат, из вашей команды. Я так рад, что вы живы! Вы не представляете, как мы переживали вчера!

– Заткнись, – сказал Зонтик и выключился.

Бат нажал кнопку вызова снова.

– Шеф, я хочу вам рассказать кое что. Вы помните наши сборы на Кавказе, два года назад?

– Ну?

– Тогда была сильная жара. Мы жили в изолированных номерах. Каждый номер имел собственную канализационную систему...

– Ну? – на этот раз угрожающе.

– Мы жили в диких условиях; канализация очищалась только раз в две недели.

А потом я бросил дрожжи в унитаз, в вашей комнате. И

оттуда все полезло, фонтаном. Как мы смеялись, Боже мой! Это сделал я, но и все остальные об этом знали. Это была самая веселая шутка за весь сезон. Вы помните, во что превратился ваш номер? А как пришлось сдирать ковер? Жаль, что прошли те деньки.

Я бы сделал это еще раз, не задумываясь! Конец связи.

Он вытер пот со лба.

– Это ты слишком жестоко, – сказала Евгения между прочим.

Она слышала весь разговор.

– Ты это о чем?

– Не притворяйся, я еще вчера поняла, что Коре жив.

– Ну не замерзай, поцелуй еще раз, – сказала Кристи, обняла его и прижалась. – Тебе ведь хочется.

– Нам лучше уйти с открытого места.

Сейчас они уже были недалеко от каменного пляжа, там, где тропка, достаточно уморив путника, давала ему передохнуть – то есть на самом видном месте.

Кристи быстро все поняла и ее настроение изменилось. Глаза потемнели и погасли. Она поспешила назад.

– Не туда, – сказал Орвелл, – мы будем подниматься по одному из ущелий.

Если что-то произойдет, то спрячемся в пещеру.

Стены ущелий были почти отвесны; это давало надежду на незамеченность.

Впрочем, одних только стен мало.

– Я если там змеи? – спросила Кристи.

– Тогда бы там не было кроликов.

Они полезли вверх. На склоне было несколько тропинок, но все они были открыты. Идущий человек был виден на многие километры вокруг. Ущелья были не такими удобными – из-за множества свалившихся глыб разного размера (от кирпича до автомобиля), некоторые глыбы стояли неустойчиво; все свободное пространство заросло колючим высохшим кустарником, колючки были изуверски изогнуты – как рыболовные крючки. Ущелье, которое они избрали, поднималось почти к самому сосновому (Орвелл окрестил его сосновым) лесу, а после леса оставалось только метров триста открытого пространства. Кузнечиков здесь было так много, что приходилось давить сразу нескольких при каждом шаге.

Кузнечики цеплялись на одежду и пытались бесплатно проехаться. Кристи, с гадливостью на лице, пыталась их стряхнуть. Не стряхивались. Кроме кузнечиков, попадались красные членистые существа без глаз, возможно, ядовитые. Членистые змейки были невелики, но юрки.

Выстрел!!!

Верхняя часть скалы обрушилась и каменные глыбы покатались вниз. Их падение заставляло дрожать грунт. Стены ущелья загудели.

– Аааааааааааааааа!!!!!!! – закричала Кристи в тон гудению стен и присела, охватив голову руками. Орвелл дернул

ее из всех сил и потащил в ближайшую пещеру. Она упала и ободрала коленку.

– Я не хочу! – кричала Кристи, – сейчас она мне завалится на голову!

Свод пещеры действительно был ненадежен. Мимо ног прошмыгнули два кролика или зайца или чего-то в этом роде. Один бросился на противоположный склон, а второй сел на камне, приглядываясь. Каменная глыба упала прямо на него, прихлопнула и покатила дальше. На камне осталась лужица крови; шкурку глыба потащила за собой. Сухой кустарник загорелся. Дым поднимался и втягивался в пещеру, как в дымоход.

– Я умираю, – сказала Кристи, – мне же нечем дышать.

Сверху ударили еще два выстрела. Камнепад стал сильнее и сзади обрушился свод. Вдруг дышать стало легче.

– Что случилось? – спросила Кристи.

– Я думаю, это снова Зонтик.

– Но ведь не было ни какой опасности?

– Просто кончились батарейки.

Он снял браслет и выбросил. Теперь эта вещь совершенно бесполезна. Всегда полагайся только на себя. Еще одно золотое правило.

– Ты меня спасешь?

– Да.

Сейчас дым уже не проникал в пещеру. Видимо, пещерка была вымыта в известняке и во время дождей здесь тек-

ла мутная подземная река. Сейчас, когда завалило камнями верхнее отверстие, для дыма уже не было тяги. Все ущелье пылало, но этот костер быстро прогорит – для него слишком мало пищи.

– Почему ты меня поцеловал? – спросила Кристи.

Она начинала успокаиваться и посматривать на сбитое колесо.

– Потому что ты мне нравишься.

– Ты мне тоже. Давай отодвинемся от огня.

Выстрелы не прекращались, но теперь они были не слышны, а ощущались лишь как сотрясение почвы.

– Посмотри на эти следы, – сказал Орвелл, – кто, по твоему, это мог бы быть?

Он сразу пожалел о своих словах. Не стоило пугать женщину. Кристи – всего лишь женщина. Будь проклята та планета, которая гонит женщину на возможную смерть.

– Ну, это что-нибудь большое. Оно спускалось. А нога похожа на человеческую, только вытянута.

– Не спускалось, а поднималось. Просто его стопы вывернуты обратно. Это человек-кузнечик. Местная достопримечательность. Только не надо пугаться, все в порядке.

– Тот самый, с вот такой пастью?!!

– С вот такой.

– Он там, наверху?

– Сейчас я проверю.

– Я тебя не пушу!

– По какому такому праву?

– Я не хочу тебя потерять. Это самое древнее право во Вселенной.

– Мне кажется, это не совсем то время и не совсем то место, – сказал Орвелл, глядя на нее.

Кристи продолжила раздеваться.

– Для этого любое время и место подойдет. Разве ты не хочешь сейчас?

Зонтик кружил у корабля, но ничего не мог поделывать. Надколотый кусок скалы уже сполз в море, но Хлопушка стояла неподвижно. Зонтик начал рыть тоннель. Он вгрызался в скалу глубже и глубже. Порода была нетвердой – такую он прогрызал со скоростью примерно двух километров в час. Вскоре он закончил один тоннель и начал следующий. Еще несколько дней – и скала под Хлопушкой станет дырявой как сыр. Тогда несколькими выстрелами я их похороню, – думал Зонтик.

Снова включилась связь. Это опять Бат.

– Коре, перестань, я пошутил.

Зонтик не останавливался.

– Мне просто нужно было знать жив ты или нет. Мы все тебя любим. Знал бы ты как мы радуемся сейчас.

– Со мной так не шутят, – сказал Зонтик, но остановился.

– Но, послушай, ты же не хочешь, чтобы тебя действительно разрезали мечом?

Я не знаю, что у тебя произошло, но возвращайся. Мы же твоя команда.

Зонтик догрыз тоннель до поверхности и выполз. Он был среди соснового леса.

Нет, этот лес только напоминал сосновый. А запах совсем живой в памяти. Мы же твоя команда – знали бы они...

Его датчики засекли двух человек. Это Орвелл и Кристи. Они стоят обнявшись.

Вот он ее поцеловал. Она положила голову ему на грудь. Вот им надо было именно сейчас! Надо же, это наконец-то случилось. Весь отдел знал, что они влюблены. Только они сами не могли об этом догадаться. Это весело, что любовь еще встречается иногда, – подумал Зонтик и замер, вглядываясь.

Потом он развернулся и пополз в сторону города. Он старался не слишком шуметь.

Орвелл и Кристи обернулись на треск сучьев, но ничего не разглядели за деревьями.

– Кто это там в лесу?

– Зверек какой-то.

19

Вечером команда собралась в центральном зале, чтобы обсудить произошедшее.

«Центральный зал» был всего лишь комнаткой, где поме-

щались десять кресел у стен.

Те, кому не хватило кресел, остались стоять.

– Я просто хотел проверить, жив ли Коре, – оправдывался Бат.

– Почему же ты не подумал о тех людях, которые были снаружи? – спросил Икемура.

Бат посмотрел на него с изумлением.

– Но ты же сам мне сказал?

– Да, я сам сказал, что Командир сейчас на берегу и что вызывать Зонтик было бы преступлением. Кроме того, была еще и Кристи. Два человека не погибли лишь чудом. Их смерть была бы на твоей совести.

Лицо Бата выражало – так смотрят, если ремень собственных брюк превращается в гремучую змею.

– Послушай, – Бат начинал серьезно злиться, – это ты мне сказал, что командир сейчас развлекается с девочкой на морском берегу и про трусики в горошек тоже говорил...

– Я не стану этого слушать, – сказала Кристи, без единой эмоции в голосе.

Она демонстративно встала и собралась выйти.

– Нет, всем оставаться здесь! – скомандовал Орвелл. – Я хочу все выяснить до конца и сейчас. Сейчас же!

Кристи осталась стоять у двери. Символ элегантного презрения. Даже веснушки стали элегантными.

– Что ты сказал ему?

– Я сказал, – ответил Икемура, – что идея хороша, но что

нужно подождать, пока все будут в безопасности. А он ответил, что он еще посмотрит, кто еще здесь будет командовать. Это он имел ввиду тебя, командир.

– Это правда? – спросил Орвелл.

– Нет, – ответил Бат, – меня подставили. Он меня подставил. Я его изувечу, обещаю.

Икемура кисло улыбнулся половиной лица.

– Вот это тоже самое, – сказал он, – на комете Швассмана тоже все начиналась с угроз и драк. Боюсь, что мальчик уже заразился.

Он назвал Бата «мальчиком».

– Хорошо, – сказал Орвелл, – ты временно отстраняешься от участия в операциях. Сдай оружие.

Бат отдал пистолет.

– Любым другим оружием тебе тоже запрещено пользоваться. За нарушение приказа – смерть. Давайте проголосуем. Я хочу, чтобы это было мнением всех.

Я – не убийца.

Все высказались «за», кроме Евгении.

– Я не такая дура, чтобы поверить в эту историю, – сказала она. Бат никогда бы не стал убивать в спину. Он для этого слишком н е м а л ь ч и к.

Орвелл подумал.

– Это временная мера, – сказал он, – если все прояснится, я первым попрошу прощения. Но положение сейчас слишком опасное. Мы не можем позволить себе следующего пре-

дательства.

– Это не предательство, – сказала Евгения. – Это позор.
Мне хочется плюнуть на пол.

Она расставила Ваньку и отключилась.

– Я сказал то, что хотел сказать.

Все молчали.

Прыгать буду с высоты – в морге классные цветы...

Так запел Ванька.

Вечером Икемура зашел к Орвеллу. Орвелл лежал и читал кого-то из древних поэтов.

– Это что за книжка?

– Кольридж. Сказание о старом моряке.

– О чем это?

– О больной совести.

– Ты не можешь говорить понятнее?

– О том, что прощения не бывает. Даже за ошибку.

– А еще понятнее?

– Попробую перевести. Слушай, это примерно так:

А ветра не было совсем, но мой корабль летел.

При свете молний и луне вздохнули мертвецы.

Они задвигались, вздохнув, потом приподнялись, и их не двигались зрачки, и было страшно как во сне при виде вставших тел.

– Это невозможно понять, – сказал Икемура, – и тем более невозможно запомнить. Я удивляюсь – такие вещи должны быстро умирать, ведь я не смог бы повторить этих стихов, даже если бы разучивал их три дня подряд. Я удивляюсь, как такая книжка смогла пережить столько веков. А ты как думаешь?

– Я думаю, эта книжка написана так, что она не сможет умереть. Даже тогда, когда люди совершенно разучатся понимать ее. Она живет совсем независимо от нашего понимания.

– А, значит это кибернетический фокус, или что-то такое, – сказал Икемура.

– Зачем ты пришел? – он закрыл книжку и сел. – Четыре поколения моих предков занимались лингвистикой, поэтому я и знаю что такое большая совесть.

Икемура взял книжку в руки, повертел и отдал:

– Я не умею читать таким шрифтом. И я пришел поговорить не о древностях, а о серьезном деле. Исчез реликтовый меч. Надеюсь, ты его не брал?

– Что???

– Значит не брал. Остаются двое: Гессе и Бат. Помоему ясно, кто из двоих сделал это.

– Ты хочешь сказать, что Бат взял меч, чтобы...

– Чтобы захватить власть. Сегодня он собирался убить тебя. Ведь Коре уже нет. А теперь исчез меч.

Это было обвинение в бунте, слишком тяжелое обвине-

ние. За участие в бунте полагалась шоковая смерть – высшая мера наказания на Земле. Поэтому бунтовщики никогда не сдавались. Гораздо легче умереть в бою, чем от болевого шока.

Икемура вдруг стал неприятен как скользкая болотная ященица Икекара – Орвелл видел таких в Южной Гидре. Он тряхнул головой.

– Что ты предлагаешь?

– Я предлагаю загнать его в капсулу и усыпить. У него нет оружия, только меч. Но внутри корабля он не сможет применить меч. Поэтому мы его возьмем.

Нужен только твой приказ. Хотя бы устный.

– Я хочу подумать.

– Думай, но не слишком долго. Каждая секунда...

– Не говори мне о секундах. Я согласен. Если мы вернемся домой, то все выяснится. А сейчас нам придется обойтись еще без одного человека. Даже если он не виновен, это разумная мера. Я этого не одобряю, но не вижу другого выхода.

– Вот-вот.

Икемура снова попытался прочесть строки.

– Почему здесь такие короткие строчки? – спросил он.

– Это стихи.

– Стихи? Какой ужас. Как хорошо, что я не умею читать таким шрифтом.

Информация:

В точности не установлено, когда и где возникла письменность. Но известно, что вначале люди писали рисунками на камнях, а потом на глиняных табличках.

Умение читать было редким и до некоторой степени священным искусством. Потом стали писать на восковых табличках, но все равно, грамотными были лишь немногие.

В последствии был изобретен папирус, который сворачивали в неудобные свитки и не замечали их неудобства. На папирусе писали чернилами. Так продолжалось вплоть до средних веков, пока кто-то не изобрел бумажные листы. Потом было изобретено книгопечатание, а еще позже – поголовная грамотность. Трудно поверить, но в истории человечества был период, когда читать и писать умели абсолютно все.

Этому учили даже принудительно, рассматривая поголовное принуждение как верх культурности.

Конец этому положило изобретение печатной машинки. То есть, печатная машинка была началом конца. Первыми разучились писать люди, которым приходилось писать по многу – литераторы. Печатная машинка давала большие преимущества по сравнению с карандашом и человек, проработав несколько лет только на машинке, вдруг чувствовал, что карандаш больше не подчиняется его корявым пальцам. Человек огорчился и вновь садился за машинку, отложив осиротевший карандаш.

В карандашах и чернильных ручках совсем отпала необходимость тогда, когда каждый обзавелся клавиатурой. По

привычке (а в школах всегда учат по привычке – тому что уже закончилось или заканчивается) в школах обучали письму, но с письмом было все хуже и хуже. А когда печатающие диктофоны распространились повсеместно, то письму перестали учить даже в школах. Все сказанное мгновенно воспроизводилось на бумаге без всякого участия пальцев – и воспроизводилось большими, красивыми буквами, единообразным шрифтом. И без орфографических ошибок – без этого кошмара древних учеников.

Как то всегда бывает, не обошлось без противников прогресса. Некоторые ретрограды фанатично обучали своих детей писать. Они утверждали, что именно умение писать развило человеческую руку, а уже рука развила человеческий мозг.

Поэтому, с исчезновением умения писать человек деградирует до уровня зеленой мартышки. А когда и эти фанатики вымерли, человечество разучилось писать окончательно.

С чтением было лучше: читать умели многие, а прочесть вывеску или объявление умели все. Правда, все простые и удобные печатающие диктофоны воспроизводили лишь один, самый разборчивый шрифт, поэтому старые книги, напечатанные разными шрифтами, стали доступны лишь специалистам. Икемура, не имеющий специальной подготовки, никак не смог бы прочесть Кольриджа. Это его не огорчало: порножурналы гораздо интереснее древней зауми звуков.

Фил и Бат были близнецами и не расставались с детства. Они часто ссорились и дрались, особенно раньше, разбивали друг другу носы и ставили фонари под глазами, но все равно любили друг друга. И всегда советовались: одна голова хорошо, а две лучше. Они были очень похожи и различить их можно было только по татуировке на запястье: у Фила был синий дракон, а у Бата красный.

– Почему ты проголосовал против меня? – спросил Бат.

Они вышли из корабля, чтобы спокойно поговорить, и сейчас стояли внутри энергетического купола. Купол срезка потрескивал, сильно пахло озоном. Горы уже начинали синеть, предчувствуя вечер. Мелкая птичка, похожая на воробья, пролетая, задела купол и исчезла с негромким булькающим звуком. По небу двигались отдельные редкие облака и каждое облако было необычным – каждое напоминало человеческо лицо, женское лицо.

– Смотри, – сказал Бат, – похоже, что Бета устроила нам аттракцион. Это не могут быть обыкновенные облака. Слишком уж они похожи.

– Тебя сейчас волнуют облака?

– Честно говоря, не слишком. Ты что, веришь, что я предатель?

– Я просто думаю, что нужно быть умнее, – ответил Фил. –

Если он тебя подставил, значит, он продумал все заранее. Икемура на десять лет старше тебя и на столько же опытнее. И ему всегда везет, ты же знаешь.

– Но зачем?

Действительно, зачем? – подумал Фил. – Если бы дело было только в мече, он бы не стал подставлять верной смерти сразу трех человек. Если бы дело было во власти, то... Нет, это не похоже ни на одну из известных стратегий.

Все члены группы Коре проходили курс боевых стратегий и провокаций.

– Пока не знаю. Может быть дело в мече?

– Тогда, – сказал Бат, – он попробует меня убрать. Если я не смогу отомстить за себя, то ты обещаешь?...

Они понимали друг друга с полуслова.

– Обещаю. – сказал Фил. – Ты собираешься бежать?

– А что мне остается делать?

– Я достану тебе оружие.

– Мне запрещено носить оружие.

– Мы вместе выйдем в лес, там я отдам тебе свое и ты уйдешь.

– Не стоит, – сказал Бат, – они пошлют за мной Зонтик и Зонтик меня расстреляет. Все будет по приказу. Они только того и ждут.

– Тогда возьми хотя бы нож.

Бат взял нож. Они обнялись.

– Еще встретимся.

– Еще встретимся.

Потом они сверили часы. Фил вернулся в Хлопушку, а Бат подошел к экрану и стал ждать. Голос в наушниках.

– Еще минута. У тебя все в порядке?

– Я жду.

– Ты уверен, что хватит ножа?

– Коре не зря взял меня в группу. Я могу защитить себя.

– Десять секунд. Приготовься.

Бат наклонился вперед. Экран мигнул, хлопнул и исчез. Бат прыгнул и покатился по земле. Фу, сколько пыли. Экран снова хлопнул, по его поверхности пробежали зеленоватые искры. Ну что ж, прощайте, ребята, – подумал Бат, потеряв глаз, куда попала пылинка и, пригнувшись, побежал к лесу.

Через лесок вело несколько дорог, полузаросших травой. Очевидно, еще недавно здесь часто ходили люди. Кое-где кончики травы были обкусаны; местами трава была съедена вся. Кролики, что ли? Бат выбрал тропинку и быстро разочаровался в своем выборе – тропинка виляла, шла то вверх, то вниз, и кажется, даже не собиралась выходить из лесу.

Он наткнулся на два оставленных людьми дома и на несколько костров. Костры жгли недели три назад. Во втором доме он нашел винтовку, которая стреляла четырнадцатью калибрами, на выбор (простейшая охотничья модель), здесь же были и заряды. Поколебавшись, он решил не брать оружие и вышел из домика.

Дальше тропинка расширялась и становилась прямой. Камни были присыпаны палюю. На пыли отпечатались следы, совсем свежие.

– Алло, Фил, – передал он, – как ты там? Меня еще не хватились?

– Пока нет. Думаю, что скоро хватятся.

– Здесь следы. Я думаю, это человек-кузнечик. Он где-то рядом.

– Ты можешь спрятаться?

– Да, здесь есть дом. Курортный. Обычная пластиковая развалюшка.

– Тогда лучше прячяся. Одним ножом ты его не достанешь.

Бат осмотрелся и прислушался. Еще несколько часов и станет темно. Здесь очень темно по ночам, здесь ведь нет луны. Правда, звезды ярче. Собственно, идти то и некуда. В городе бешеный Зонтик и вирус, который прикончил самого Коре за пять минут, а если и не прикончил, то сделал из него маньяка. На дорогах кузнечики с львиными пастьями. Таки-ми пастьями можно жевать кирпичи как бутерброды. В лесу – неизвестно что. Лучше дожидаться утра.

Он вернулся в дом и стал ждать.

Дом был обычной двухэтажной пластиковой дачей. Стены довольно крепкие.

Всего два окна на первом этаже и два на втором. Дверь запирается. Окна можно держать под прицелом. Он взял винтовку и сел возле окна.

Человек-кузнечик вышел из зарослей. Он был голоден, он почти ничего не ел за последние четыре дня. Он грыз ветки деревьев и жевал траву. Еще он ловил настоящих зеленых кузнечиков, которые кишмя кишели в траве у моря. Но зеленые кузнечики были горькими, их много не съешь. Еще человек-кузнечик сгрызал твердые морские ракушки с подводных камней и глотал их вместе со скорлупой. Только в ракушках почти ничего нет, одна толстая скорлупа, черт бы их побрал. От голода приходилось глотать песок и мелкие камешки, запивая морской водой. Когда желудок разбухал, становилось легче. А сегодня утром человек-кузнечик вынюхал жареного зайца и съел его с наслаждением, сам, оглядываясь, чтобы никто не отнял добычу.

Заяц сгорел при пожаре. Но ведь это все равно не еда.

Четыре дня назад он победил в поединке другого человека-кузнечика, откусив тому голову. Поединок был равным. Но добычей пришлось поделиться со стаей, ничего не поделаешь.

Зато здесь – человек.

Человек-кузнечик сделал большой прыжок и снелету ударился о пластиковую стену. Прозвучал выстрел. Ага, наугад стреляет, на звук, – подумал человек-кузнечик, – он меня не заметил.

Еще один человек-кузнечик, ростом чуть повыше первого, появился из-за деревьев и сразу получил два заряда в

брюхо. Отлично, этот человек метко стреляет. Сегодня хватит еды на всех. Пятерых иди семерых он точно успеет прикончить, пока его заряды закончатся. Как приятно будет откусить его маленькую волосатую головку, как мягко треснет она на зубах...

Человек-кузнечик опустил голову к самой земле и понюхал стену.

Вначале Бат слышал грохот. Что-то тяжелое ударилось о стену. Он выстрелил в воздух, чтобы отпугнуть гостя. В стекле осталась дыра с оплавленными краями. В такую дыру можно просунуть кулак. Бат поставил меньший калибр и стал ждать.

Через минуту он увидел серо-зеленое страшилище величиной с быка.

Страшилище было похоже на кузнечика – его задние лапы были характерно изогнуты и очень мускулисты. Передние лапки были совсем маленькими и очень похожими на человеческие. Наверное, такими руками можно даже держать молоток или топор.

А если приловчиться, то можно взять нож или винтовку. Вполне человеческие руки.

Голова была несоразмерно велика, нижняя челюсть постоянно двигалась, как у земных коров, что-то пережевывала. На спине небольшие крылышки.

Бат прицелился и дважды выстрелил. Брюхо кузнечика

взорвалось и оттуда полетели мелкие клочья – как будто оно было набито тряпками. Кузнечик без брюха сделал несколько небольших прыжков и сел, опираясь на крылья. Потом завалился на бок и задергал лапами. Он дергал лапами, не переставая, до самой темноты. Но Бату было уже не до него.

Еще несколько тварей высунули носы. Бат трижды выстрелил и трижды попал, снес головы. Так вам, знайте с кем связались. Один с пурхающим звуком попытался взопрыгнуть на крышу, но сорвался и полез в окно. Успел просунуться наполовину.

Мертвая голова смотрела слепыми огромными глазами, а челюсть продолжала шевелиться. Из шеи вытекало что-то желтое.

Кто-то зашевелился на втором этаже. Туда вела узкая лесенка, которая заканчивалась дверью. Бат запер дверь и стал ждать. Да, на второй этаж они точно проникли, но дверь им не выбить. А здесь не так уж сложно обороняться. Лишь бы хватило патронов. Интересно, где здесь включается свет? – подумал он и смахнул с плеча настоящего маленького кузнечика. Маленький кузнечик был примерно с большой палец по величине и толщине.

Человек-кузнечик понюхал стену и осторожно передвинулся подальше от окна.

Не ровен час, попадет. Ах, как вкусно пахнет свежее мясо! Он обернулся: кто-то по глупости полез в окно и сей-

час висел в раме, дергая лапами. Человек-кузнечик аккуратно подполз, пригибаясь насколько возможно, и оттяпал большой кусок ноги.

Уууу, как хочется еще! Он откусил еще кусок и снова отполз от окна.

Подвал. В таких домах всегда есть подвал. Лететь через чердак или через второй этаж бесполезно – человек может закрыться, а вот подвал – это другое дело. Человек-кузнечик стал рыть землю передними лапами, очень похожими на человеческие. Грунт был мягким, песчаным.

Сверху свалился еще один и упал на спину. Человек-кузнечик, не раздумывая, вцепился конкуренту в горло. Утолив голод, он осмотрелся. Дюжина кузнечиков рыла подкопы в подвал сразу со всех сторон. Если человек умен, то он заметит это, высунется из окна и начнет стрелять. Если у него еще есть чем стрелять. К счастью, становится темнее.

Человек-кузнечик уже закопался так, что были видны только задние лапы.

Бат снова вызвал корабль.

На этот раз ответил Орвелл.

– Как ты там?

– Плохо, но пока держусь. Здесь целая туча кузнечиков.

– При чем здесь кузнечики?

– Это не те кузнечики. Эти каждый по семь центнеров весом, не меньше. Я сейчас в домике в лесу. Я уже пристрелил

десяток. Они пробрались на второй этаж, но я закрылся. Патроны у меня пока есть.

– Зачем ты ушел?

– Жить всем хочется. Что вы собирались со мной сделать?

– Ничего.

– Так я и поверил! Ничего! Если ничего, тогда присылайте подмогу.

– Хорошо, – ответил Орвелл, – но вначале отдай меч.

– Что отдать?

– Реликтовый меч. Все знают, что он у тебя.

– А, вот в чем дело. Тогда вы получите свой меч! Слышите,! Он дважды выругался и вдруг почувствовал, как онемели ноги. Он попробовал встать и свалился. Это что-то с моим позвоночником, – подумал он, – не может быть, чтобы это было серьезно. Я ведь совершенно здоров и всегда был здоров.

Он снова смахнул маленького кузнечика с плеча. До чего навязчивы могут быть эти твари. Он подтянулся на руках и сел в кресло. Что бы это ни было, а я не сдамся. Пересидел какой-то нерв, так бывает. Со мной просто не может ничего случиться. Я еще слишком молод, чтобы умереть. Становится совсем темно. Где же у них включается свет?

Человек-кузнечик провалился в подвал. Подвал был глубоким и кузнечик больно ударился усиками. В подвалах часто хранят что-нибудь вкусненькое. Хорошо, что я прова-

лился первым. На верх выходить пока не стоит. Пусть стемнеет. Все нужно делать по порядку. Но как вкусно треснет его голова... Он продвигался, ощупывая предметы усами. Что в этой банке? Фу, надо же, машинное масло. А здесь? Вот, здесь что-то пахучее. А вот целая бочка с салом.

Он прислушался. Еще несколько минут и остальные тоже будут здесь. Нужно есть сало, пока никого нет. Он перевернул бочку и вытащил несколько больших кусков. Зачем они его так солят? Еще один взлез. Еще минута и будет полный подвал. Впрочем, я уже наелся, – подумал человек-кузнечик, – пускай теперь другие повоюют.

За окнами стало совсем темно и даже было бы мирно (как всегда становится мирно в душе ясными приморскими вечерами), если бы не сухой хруст и передвижение уже невидимых грузных тел: одни кузнечики поедали, заедали или доедали других, убитых или изувеченных. И поедавшие и поедаемые действовали молча. Патронов уже не осталось, но никто и не рвался в окна – слишком много дармовой еды валялось в пыли, под контурной чернотой ненастоящих сосен. Несколько кузнечиков пытались прогрызть потолок, но безуспешно.

Бат сполз с тяжелого кресла и передвигался по комнате на руках, как парализованный. Ноги полностью потеряли чувствительность. Кажется одна сильно порезана куском стекла, но в темноте этого не видно. Надо бы дотянуться и посмотреть, слишком сильный запах крови. Вообще-то все запахи

стали сильнее. А света здесь нет, ведь город мертв, а значит, мертвы все его системы, обеспечивавшие еще недавно снабжение дачных домиков. До утра, пожалуй, не продержаться. Нужно вызывать помощь. Как сильно пахнут эти тела, и каждый пахнет по-своему...

Он снова включил связь.

– Я требую помощи. Если вы не вытащите меня отсюда через десять минут..... (он снова выругался), то я использую меч. Я разнесу всю эту планету!

Он выругался снова и продолжал ругаться в микрофон.

Если они поймаются на этот блеф, значит, они и в самом деле верят, что меч у меня. Но тогда где же он на самом деле?

На Хлопушке согласились. Они пришлют второй Зонтик. Поскорее бы. Что же это с ногами? Темнота становится прозрачнее. Прозрачнее и ярче. Вот это кресло, оно было уже совсем невидимо, сейчас оно кажется синим. А оно было серым. Что со мной происходит? Как трудно связываются мысли... Тушками набитых ушей настроны в ровно пополам – я говорю вслух? что за чушь я несу? То же самое было с Коре. Что случилось с ним после этого? Нужно вызвать Хлопушку...

– Это опять я.

– Зонтик уже вышел. Подождешь несколько минут.

– Я не могу ждать. Слушайте. Я заболел. Небесной шторой завешен парта-парагенез исторической морали суждений. Вначале от-отнялись ноги. Потом – несворот кашалон-

товый перьев несколько зубудлыжнопроклятой действительно-
сти ввертье мне. Потом я стал видеть в в в в в темноте. Я
сейчас выключусь. Это то же самое, что с Ко-коре. Слышите,
то же самое! Приезжайте и изучайте!

Радуйтесь на здоровье! Но Коре не умер, он вернется!
я тоже вернусь!

Слышите, я вернусь! и я каждому... Такие красивые цве-
та. Мне трудно говорить. Язык вырос.

Он встал на ноги. Теперь не разгибалась спина.

– Алло, мы слушаем...

Голос стал тихнуть и погружаться в спокойное безразли-
чие. Я хочу есть, – подумал Бат. Есть в этом доме что-нибудь
поесть?

Человек-кузнечик перегрыз балку и пол в комнате просел.
Он приподнял лбом несколько половиц и попробовал про-
сунуть плечи. К этому времени кто-то уже прогрыз потолок
и в дырку одно за другим сваливались темные тяжелые тела.

Человек-кузнечик напрягся и вылез в комнату первого
этажа. Здесь уже немало своих. Ага, пятеро. Вот и шестой.
Здоровый какой, надо держаться подальше. Не надо меня
трогать, пожалуйста, мне ничего не нужно. Я же маленький
и слабый.

Чужой человек-кузнечик неловко прыгнул и вцепился в
плечо. Кусок плеча был вырван с хрустом. А куда же делся
человек? – подумал кузнечик в последний момент. Потом

ему откусили голову. Ночной пир только разгорался.

Второй Зонтик подошел к поляне совсем близко и остановился. Приборы не фиксировали присутствия человека. Бата здесь не было. Зато были полчища кузнечиков, пожирающих друг друга. Зонтик, не включая освещения, работал всеми своими анализаторами, собирая информацию. Средний вес: шестьсот тридцать килограмм. Двуполы. Половые признаки не выражены. Всеядны. Высота прыжка – шесть метров. Длина прыжка – четырнадцать метров. Зубы располагаются рядами, как у акул.

Зонтик сформировал объемное изображение и повесил его внутри себя, предварительно ярко раскрасив.

– Господи, какой ужас! – сказала Евгения. – У них ведь человеческие руки, с пальцами. Пять совершенно человеческих пальцев с ногтями. С такими пальцами можно быть хирургом или маньяком-душителем. Я не удивлюсь, если в один прекрасный день оно возьмет в руки оружие! Останови картинку!

Зонтик остановил картинку. Объемное изображение чудовища в натуральную величину застыло в воздухе. Теперь можно было его подробно и неторопясь рассмотреть. Бат все равно ушел или спрятался, или погиб. Или мы этого никогда не узнаем. Впрочем, имея реликтовый меч, можно отбиться не только от кузнечиков.

– Как ты думаешь? – спросила Евгения.

- Думаю, он успел уйти, – ответил Фил. – Я бы смог уйти, будь я на его месте.
- Даже безоружным?
- У него была винтовка.
- Ага.

Евгения рассматривала изображение. Кузнечик был покрыт волосками, на вид упругими. Под волосками были чешуйки. Особенно волосаты были задние лапы. Лапы оканчивались вполне человеческими ступнями, вывернутыми назад.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

МЕРТВЫЙ ГОРОД

21

Зонтик шел обратно по прямой, мрачно ломая деревья. Он остановился не遠далеке от корабля. Хлопушка была ярко освещена. Мигали голубые, тревожные огни. Им подмигивали желтые, зовущие. В Зонтике сейчас было четверо, Фил Кристи, Евгения и Гессе.

– И долго мы будем стоять? – спросила Кристи.

– Ты куда-то спешишь?

– Да, спешу. Как ты догадалась, умница? – с легким издевательством в голосе.

– К своему милому?

– Да, к милому. Не вижу в этом ничего странного.

– Ослепла, если не видишь.

Кристи уже почти открыла рот, чтобы ответить на этот выпад, но вовремя остановилась. Евгению лучше не трогать.

– Зато я знаю что-то странное, – сказал Фил.

– Что именно? – откликнулся Гессе, – единственная странная вещь, которую мы не обсуждали – это сегодняшние облака, похожие на женские лица. Если сопоставить с тем расположением облаков, которое я видел перед посадкой, то

я бы сказал, что мы сидим на планете, которая занимается изящными искусствами – просто так, от скуки или для развлечения гостей. Так что странное ты имел ввиду?

– Я скажу об этом позже. Поехали!

Зонтик двинулся вперед, подчиняясь команде. Зачем они включили мигалку, – подумал Фил, – и без нее тошно, дальше некуда.

Он остановил Зонтик у корабля, но не приказал ему выключиться.

– Ты собираешься еще куда-то? – спросил Гессе.

Гессе был высоким широколицым парнем, нос слегка картошкой и в пупырышках.

Волосы разных цветов – светлые и темные пряди. Большие зубы. Широкая улыбка. На первый взгляд глупая. Прекрасный актер, одурачит любого. Умеет петь и говорить разными голосами. Умеет показывать фокусы. Умеет драться так, что однажды даже сбил с ног Ангела. Ангел тогда не ответил, соблюдая субординацию. Уже три года в команде. Был в экспедиции на Южной Гидре и даже заработал орден. Почти старик, тридцать лет. Раньше занимался чем-то таинственным и почти легендарным.

Очень умен и очень смел. Если Хлопушка вернется на Землю, его назначат на место Коре. Если.

– Собираюсь, – ответил Фил – Да, я собираюсь куда-то еще. Будут еще вопросы?

– Не все выяснил?

– Осталось самое главное.

– Что ж, вольному – воля, как выражается командир. Ты покатишь сейчас?

– Нет, немного погодя.

Они вышли и оставили Зонтик ждать.

Последние слова Бата были записаны, проанализированы и сейчас команда обсуждала результат анализа.

Пропавший Бат говорил снова:

– Я не могу ждать. Слушайте. Я заболел. Небесной штурой завешен парта-парагенез исторической морали суждений. Вначали от-отнялдись ноги. Потом – несворот кашалотовый перьев нсколько зубудлыжнопроклятой действительности ввертье мне. Потом я стал видеть в в в в в темноте. Я сейчас выключусь. Это то же самое, что с Ко-коре. Слышите, то же самое! Приезжайте и изучайте!

Радуйтесь на здоровье! Но Коре не умер, он вернется! я тоже вернусь!

Слышите, я вернусь! и я каждому... Такие красивые цвета. Мне трудно говорить. Язык вырос.

– А выводы таковы, – начал рассказывать Дядя Дэн, – Во-первых, он действительно уверен, что Коре жив. Случилось что-то, что предоставило ему вполне убедительное доказательство. Я знаю, что некоторые из экипажа тоже верят.

Я тоже не исключаю такой возможности. Во-вторых, он явно подхватил вирус. И это тот же самый вирус. Мы име-

ем уже два случая и можем довольно точно описать симптомы. Мы лишь не знаем, как вирус передается и почему он поражает одних и иногрирует других. В-третьих, у него действительно начал расти язык. В течение одной минуты язык вытянулся и разбух почти на треть. Еще одно совпадение, которое кажется мне закономерным: оба заболевших, и Коре и Бат, исчезли неизвестно куда, будто растворились. Есть предположение, что они превратились в кузнечиков (по аналогии с событиями на комете Швассмана), но Коре не превращался, хотя его ноги и начали расти. Машина исключает такую возможность.

Коре начал расти, а потом просто исчез. Так что кузнечики здесь не при чем.

Я предлагаю никому не выходить из корабля, прождать, скажем, около месяца. Если мы убедимся, что опасности для Земли нет, мы поднимемся на орбиту и уничтожим эту милую (глаза б мои ее не видели) Бэту. Потом еще несколько месяцев мы повисим в пространстве, чтобы выдержать карантин. Если никто не заболеет, начнем переговоры о возвращении на Землю. Если повезет, то нас пустят домой.

– Как мы уничтожим Бэту без реликтового меча? – спросил Орвелл.

– Тогда сожжем ее до состояния стеклянного шарика. Больше никто не станет сюда приближаться.

– Жаль, слишком красивая планета, – сказала Евгения, – просто обретенный рай. Это мое особое мнение, можете с

ним не считаться. Я согласна посидеть взаперти, но вначале нужна еще одна вылазка. Правильно, Фил?

Фил согласился.

– Мы отъедем ненадолго и пойдем в том же составе. Фил, Кристи, Гессе и я.

Есть дело, которое осталось незаконченным.

Четверо вышли и подошли к Зонтику. Машина ждала.

– Послушай, – сказала Евгения, отведя Гессе в сторону. Пожалуйста, не вмешивайся. Это их личное дело.

Гессе ничего не понял, но остался невозмутим.

– Никаких личных дел у них быть не может.

– Вы, мужчины, очень непонятливы.

– Ты хочешь сказать, что Кристи нравится сразу двоим? – Предположил Гессе.

– Вот именно. Пусть они выяснят отношения.

Гессе засмеялся.

– Никогда бы не подумал. Хотя у меня уже был такой случай. Почему-то в опасных ситуациях люди больше нуждаются в чувствах. Они влюбляются в самое неподходящее время и в самых неподходящих местах. Причем норовят влюбиться треугольником. Хорошо, я подожду. А зачем им понадобился Зонтик?

– Чтобы никто не мог подслушать.

– Просто детский бред. Неужели это так важно?

– А ты никого не любил? – спросила Евгения.

– Да Бог миловал.

Фил и Кристи вошли и сели в передние кресла. Отсюда был хороший обзор.

– А где остальные?

– Сейчас будут, – ответил Фил, – им нужно поговорить.

– А почему мы зашли?

– Чтобы не подслушивать разговор. У них очень личный разговор. Почему-то в опасных ситуациях люди больше нуждаются в чувствах. Когда мне было восемь лет, я сорвался с моста и чуть не погиб. В тот день я влюбился, слава Богу, ненадолго.

Люди всегда влюбляются в самое неподходящее время и в самых неподходящих местах.

Надеюсь, тебе это понятно?

– Точно, – согласилась Кристи.

– Слушать только меня! – приказал Фил Зонтику. – Теперь поехали в город, скорость сто двадцать. С кораблем не связываться без моего разрешения!

Зонтик рванул с места и пошел к мертвому городу.

– Я не поняла, – сказала Кристи. – А вот теперь мне непонятно.

– А что тут понимать. Сейчас объясню, вот только отъедем подальше.

Зонтик выбрал удобную прямую дорогу и усилил освещение, не включая прожекторов. По бокам дороги проносились

дикие вывороченные камни, иногда попадались беленькие столбики, посаженные здесь руками человека. Когда-то человек здесь жил, радовался и беззаботно расставлял столбики, надеясь прожить и прорадоваться очень долго.

Город приближался. Зонтик нырнул в одну из широких улиц и остановился, ожидая приказа.

– Связаться с кораблем!

Зонтик установил связь.

– Как у вас дела? – спросил Орвелл. – Почему вы вдвоем?

– По-другому не получается, командир, – ответил Фил. – Ты начал охоту на моего брата, а я увез твою девочку. Теперь мы на равных. Тебе меня не достать.

Слушай и запоминай. Бат не брал меч. Я не мог его взять. Если это не ты, то остается только два человека. Они оба на корабле. Значит меч тоже на корабле. Я даю тебе два дня сроку, чтобы найти меч, извиниться и вернуть моего брата. Если ты не успеешь, я начну медленно убивать эту женщину. Так медленно, что у тебя будет время одуматься. Это справедливо. Конец связи.

– Как ты собираешься меня убивать? – спросила Кристи.

– Буду отрезать от тебя кусочки и посылать им. Это древний, проверенный способ. Не бойся, я тебя вначале усыплю.

22

Город лежал в долине, с двух сторон окруженный горами.

С востока была выпуклая линза моря, а с севера – поля и кустарники. Среди полей там и сям поднимались одинокие плоские возвышенности – остатки древних гор, слизанных временем и стертых наждаками неусыпной человеческой деятельности. Казалось, что город лежит в яме и даже море не разрушало эту иллюзию.

Зонтик медленно ехал по набережной. Еще недавно здесь был настоящий курорт.

Еще остались перевернутые столы, зонтики, разрушенные непрочные домики береговых ресторанчиков. Слева, за аллеей виднелись монументальные дома. Под колесами была стеклянная плитка, выбитая местами.

Кристи молчала.

– Ты не хочешь со мной поговорить?

– А что мне с тобой говорить? Останови, мне нужно в туалет.

Она вышла. Никто не охранял ее. Мощно горели звезды, непохожие на земные и совсем непохожим на земное было море – земное море всегда светится огоньками, кто-то кого-то всегда ждет на Земле, а здесь только темнота.

– Выключи! – крикнула она. – Я не могу, когда за мной наблюдают.

Фил наверняка выключил систему слежения. Несмотря на то, что он сделал сегодня, он человек честный.

Кристи сделала несколько тихих шагов в ночь. Ветер мел вдоль аллеи и свистел в стеклах домов. Казалось, что стекла

пели. Куда я иду? – подумала она, – куда я могу идти одна, одна, одна, здесь, сейчас? Она сделала еще шаг и остановилась. Она не могла убежать.

Она споткнулась о большой пляжный зонт и чуть не упала. Попробовала поставить зонт, но не нашла ножек. Зонтик просигналил.

– Сейчас иду! – она пошла к машине.

– Хотела сбежать?

– А ты следил?

– Нет.

Они снова поехали молча. Фил включил систему слежения по левому боку Зонтика и можно было видеть, как плавно проплывают тяжеловесные особняки из натурального камня – такая редкость на родной, совсем ненатуральной, планете Земля. Стилль ампир: колонны, колоннады, статуи полуобнаженных красавиц с тем типом лиц, который на Земле уже тысячелетия как забыт. Сухие фонтаны, игрушечные акведуки, скульптурная композиция, вдруг кольнувшая сердце: танцующие девочка и мальчик тянут руки друг к другу.

Информация:

Двадцатый век на Земле был отмечен печатью некоего отчаянного, почти параноидального стремления к природе. Люди сбросили цилиндры фраки и кринолины, а надели короткие юбки и спортивные майки. Загар вошел в моду, от-

теснив бледную томность. Сексуальная революция обнажила и упростила все то, что наивно скрывалось веками. Пошлость стала обязательным элементом жизни. Лучшим местом для отдыха стала дикая природа – чем диче, тем лучше. Каждая страна (а стран тогда расплодилось немало) считала делом чести построить побольше заповедников.

Поднялись в цене вещи ручной работы и из натуральных материалов. Последняя волна естественности едва докатилась до рубежа тысячелетий и, как всякая волна, пошла назад, неразборчиво прошипев на прощание.

Вначале произошла революция в материалах и первыми материалами были пластики. Пластики могли иметь любые формы, любые свойства, любые размеры, цвета и даже запахи. Из пластиков строились дома, дороги, искусственные деревья (целые парки, с трудом отличимые от настоящих) и прочее. Пластики делали из органических остатков, таких, например, как уголь. Позже из угля и нефти стали добывать пищу, лучшую, чем настоящая. Тогда пластики постепенно вышли из моды.

Следующими ненатуральными материалами были каменогели. Химики научились выстраивать бесконечно длинные кремниевые цепочки и придавать им любую форму, например, форму пружинок. Большая подушка из каменогелевых пружинок весила так мало, что, сброшенная с крыши, опускалась подобно парашуту, и была такой мягкой, что

позволяла наступить на куриное яйцо без всякого ущерба для последнего. Кроме пружинных каменогелей были придуманы особо прочные, для строительства, износостойкие – для деталей механизмов и для одежды, теплонепроницаемые, самовосстанавливающиеся, всякие. Пейзажи окончательно стали искусственными, так как каменогели можно было создавать в любом количестве. Возникли ненастоящие горы, ненастоящие ущелья (покрытые пружинным каменогелем – упав в такое ущелье, ты не разбиваешься), ненастоящие русла рек, ненастоящие неживые джунгли. В ненастоящих джунглях не водились звери. Звери остались только в зоопарках, многие вымерли, но мало кто об этом сожалел – с помощью генной инженерии всегда можно было воссоздать вымершие виды или создать любые новые.

Природа упростилась. Исчезли мухи, комары, клопы и тараканы. Исчезла многая другая нечисть.

Упростилось искусство. Поэзия исчезла совсем, осталась лишь музыка и живопись. По вполне понятной причине: с изобретением мощных машин музыкой и живописью уже могли заниматься все желающие (можно было сочинять сонату на компьютере, не владея ни одним музыкальным инструментом, или писать пейзаж, не владея кистью), а литературная техника или драматическое искусство оказалось машинкам не под силу. Живопись и музыка становились все более простыми и понятными – сочетание немногих громких красок и звуков – потому что были отданы на забаву тол-

пе.

Примерно годах в семидесятых был изобретен ускоренный способ обучения и теперь ребенок овладевал знаниями всего за несколько месяцев. Знания каждого были прочны и, следовательно, знания всех были одинаковы. Людям стало скучно общаться и они стали искать более интересных развлечений.

Самым сильным удовольствием оказалось (как и должно было оказаться) прямое воздействие на мозговые центры удовольствия. Центр удовольствия величиной примерно в булавочную головку есть в мозгу каждого человека. Любые радости жизни слегка возбуждают этот центр. Но прямое электрическое возбуждение дает самое сильное удовольствие. Получив самое сильное из возможных удовольствий люди охладели к пище, вину, сексу и наркотикам.

Земля стала насквозь ненастоящей, даже ее внутренности были частично вынуты и использованы для сооружения космического зеркала. Космическое зеркало уничтожило зиму, собирая и направляя солнечные лучи, а многие желающие поселились на внутренней стороне планеты. Правда, в начале двадцать второго века мода на настоящее начала возвращаться (мода всегда приходит волнами) и тогда оказалось, что любой настоящий предмет безумно дорог. За настоящим приходилось летать на чужие планеты.

– А на этой планете было совсем неплохо жить, – заметила Кристи, – здесь даже камни настоящие. Я вчера упала и содрала коленку, камни твердые.

Зонтик остановился у высохшего пирамидального тополя, очень высокого и тонкого, торчавшего как волосатая игла. Системы слежения Зонтика были настроены на поиск и сейчас эти системы нашли.

– Что это? – спросил Фил.

– Вход, – ответил Зонтик.

– Вход куда?

– Очень длинный спуск, направление не прослеживается.

– Мы сможем войти?

– Я не смогу, – ответил Зонтик.

– Какова степень опасности?

– Ответить невозможно.

– Ты сможешь открыть дверь?

– Да.

– Открой!

(Зонтик реагировал на интонацию голоса – на вопросительную или повелительную интонацию; в опасных случаях он переспрашивал, в очень опасных – действовал самостоятельно)

Зонтик выбил дверь воздушной волной. Это была дверь в постаменте большой каменной фигуры: льва с человеческой головой. Фигура была так высока, что сухой тополь доставал

льву только до плеча. Я где-то уже видел такое или где-то об этом слышал, – подумал Фил, – или этот кошмар снился мне, но тогда вместо тополя была живая береза. Да, это точно был сон, я ведь никогда не видел настоящих живых берез. В том кошмаре за стеной слышались тихие звуки многих мелких существ. А что же будет здесь?

Он взял боевую винтовку и вышел из Зонтика. Дыра зияла. Он прислушался.

Тихое шуршание мелкого существа приближалось из черного ниоткуда. Он приподнял винтовку. Нет, это ошибка, шуршание не приближается и не удаляется. Он включил фонарик и осветил стены. Это скорей всего храм. Обыкновенный, такой же как на земле. Что означают эти слова?

Не убивай. не прелюбодействуй, не кради, не произноси ложного свидетельства, не пожелай жены ближнего своего, почитай отца и мать свою, не произноси имени Господа напрасно.

Обыкновенная чепуха, которая перестала что-то значить еще много поколений назад. Такое пишут и на Земле. Убивать иногда приходится. Воровать незачем.

Ложных свидетельств не требуют. Не прелюбодействовать нельзя, ведь брак не существует. Поэтому и чужие жены исчезли. Отца и мать почитают лишь те, кто их имеют. Меня женщина не рождала и отца своего я не знаю, как мне его почитать? А имя какого-то Господа? Я не знаю его имени.

Сейчас шуршание доносилось сразу со всех сторон. Фил

выключил фонарик, чтобы лучше вслушаться. Он умел без промаха стрелять на слух. У дверей показалась Кристи. Ее силуэт был ясно виден на фоне светящегося неба.

– Не входи!

– Я боюсь сама!

– Здесь кто-то есть. Но это не кузнечики.

Я это помню, я все это помню, – думал Фил, – вот сейчас должна закрыться входная дверь. Раз, два, три!

На счете «восемь» посыпались кирпичи и вход частично завалило. Блеснула фотовспышка и осветила громадный черно-белый натюрморт. Фил узнал земные бытовые устройства, некоторые сильно устаревшие: роботы-мыши для уборки помещений, несколько диктофонов, стереокамеры, часы, приемники, несколько мотоциклов. Один из диктофонов работал. Фил подошел к нему.

«Это..... планета.»

«Это..... планета.»

«Это..... планета.»

«Это..... планета.»

«Это..... планета.»

«Это..... планета.»

«Это..... планета.»

Диктофон ругался площадным матом. Фил выстрелил и разнес аппарат на куски.

Фотовспышка блеснула снова и стала регулярно мигать, освещая сцену. Первыми ожили роботы-мыши.

Больше никто не выходил из Хлопушки. Орвел передал кораблю приказ, запрещающий кого-либо выпускать. К сожалению, не осталось прибора опасности, но был прибор цели. И сейчас пришло время его использовать. Орвелл подумал о реликтовом мече.

Прибор цели показал направление.

Орвелл спустился в оружейный отсек и пошел в том направлении, куда показывала стрелка. Стрелка привела его к капсуле. Он положил на капсулу руку.

– Вы уверены, что хотите взять меч?

– Да.

– Если уверены, то повторите еще раз. – да.

– Еще раз, пожалуйста.

– Да.

Капсула открылась; меч был на месте. Это мог сделать либо Гессе, либо Икемура. Нетрудно выяснить откуда идет опасность. Итак, ОТКУДА ГРОЗИТ

ОПАСНОСТЬ? – подумал он и посмотрел на стрелку. Стрелка показывала на его личное переговорное устройство. Более чем странно.

Орвел бросил переговорник на пол и смял его каблуком. Еще раз, ОТКУДА

ГРОЗИТ ОПАСНОСТЬ?

Он пошел по направлению стрелки и пришел к стационарному переговорнику, встроенному в стену.

Он успел расстрелять еще шесть таких устройств, прежде чем прибор цели выдохся и стрелка окончательно потухла. Потом он собрал совещание и рассказал все, что успел узнать.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.